

ТЕННЕССИ
УИЛЬЯМС

Трамвай «Желание»

АЗБУКА КЛАССИКИ

Теннесси Уильямс

Ночь игуаны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156480

Трамвай «Желание»: Азбука-классика; 2004

ISBN 5-267-00587-8

Аннотация

Драматургия Уильямса, оказавшего исключительное влияние на развитие американского театра XX века, сочетает в себе тонкий психологизм с высокой культурой слова. Герои его пьес – живущие иллюзиями романтики, благородные и ранимые люди – противопоставлены грубой, безобразной действительности, лишены возможности обрести в ней счастье и гармонию, преодолеть одиночество. И все же герои Уильямса могут торжествовать моральную победу: зная, что обречены на гибель в прагматическом обществе, они не отрекаются от своих идеалов.

Содержание

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	5
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ	47
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ	93

Теннесси Уильямс

Ночь игуаны

Как с братом брат, из тьмы могил
Перекликались мы.
Но зарастают мхом уста
И наши имена.

Эмили Дикинсон

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мэксин Фолк.

Педро.

Панчо.

Преподобный Шеннон.

Хэнк.

Джудит Феллоуз.

Герр Фаренкопф.

Фрау Фаренкопф.

Хильда.

Вольфганг.

Шарлотта Гуделл.

Ханна Джелкс.

Джонатан Коффин (дедушка).

Джейк Лэтта.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Действие происходит в Мексике, в Пуэрто-Баррио, летом 1940 года, в маленькой и довольно запущенной гостинице на зеленом склоне горы, у подножия которой протянулся дикий пляж – «caleta». Но тогда Пуэрто-Баррио – еще не тот фешенебельный курорт, каким стал в наши дни. Двадцать лет назад вокруг были только бедные индейские селения, тихий, пустынный пляж и буйные пальмовые чащи – то был действительно один из самых диких и живописных уголков на свете. Крытая веранда отеля «Коста Верде» обрамлена парашютом, огибающим все это весьма ветхое сооружение. Но зрителям виден лишь фасад веранды и одна из боковых ее сторон. Под верандой, слегка возвышающейся над уровнем сцены, кусты с яркими цветами, напоминающими по форме колокольчики, и несколько кактусов – кругом густая листва джунглей. Сбоку тянется вверх высокая кокосовая пальма. Ее ствол весь в зарубках, чтобы легче было лазить сбивать кокосы для ром-коко. На веранду выходят завешенные москитными сетками двери номеров – тесных каморок, разделенных тонкими перегородками. Вечером эти каморки освещаются изнутри, и каждая становится отдельным интерьером. Москитные сетки придают этому слабому внутреннему освещению особую таинственность. От боковой стороны веранды спускается вниз к шоссе и к пляжу через пальмовые

заросли тропинка, наполовину скрытая ярко цветущими кустами. На веранде подвешен полотняный гамак, беспорядочно составлены старые кресла, качалки, плетеные стулья.

При поднятии занавеса слышны крики и возгласы группы чем-то возбужденных туристов, только что подъехавших на автобусе к подножию горы, на склоне которой стоит «Коста Верде». Из-за угла веранды появляется хозяйка гостиницы, миссис Мэксин Фолк, пышущая здоровьем, плотная, смуглая женщина лет сорока пяти, в лице ее ненасытная чувственность. В обтягивающих брючках и расстегнутой блузе, она выходит из-за угла веранды в сопровождении мексиканца Педро, стройного, смазливового парня лет двадцати. Он нанят не только для черной работы в отеле, но и для любовных утех хозяйки, Педро заправляет рубашку в брюки, оттирает с лица пот, как после тяжелой работы на самом солнцепеке. Увидев человека, поднимающегося вверх по тропинке, Мэксин радостно вскрикивает: «Шеннон!»

Голос Шеннона. Привет!

Мэксин. Ха! (Смеется она странно: будто один раз громко тьякает собака, а затем останавливается, раскрыв рот, – словно тюлень в ожидании, когда ему бросят рыбку.) Моя агентура уже донесла, что вы появились. (Педро.) Anda, hombre, anda!¹ (По мере приближения Шеннона радость ее заметно растет.)

Шеннон появится не сразу и минуту-другую переключи-

¹ Сюда, парень, сюда (исп.)

ется с ней, оставаясь для зрителя невидимым.

Ха! Мои шпионы успели донести, что на прошлой неделе вы проехали через Сальтильо с целым автобусом женщин. Ха! Сколько же из них не устояло перед вами? Ха!

Шеннон (тяжело дыша, снизу). Дух Цезаря Великого... перестаньте... не кричите.

Мэксин. Неудивительно, что вы еле ноги волочите. Ха!

Шеннон. Велите парню втащить мой чемодан.

Мэксин (распоряжается). Pedro! Anda la maleta! Pancho, no seas flojo! Ve y trae el equipaje del señor.²

Панчо – второй мексиканец – выбежал из-за веранды и мчится вниз по тропинке.

Педро с мачете в руках – на пальме, сбивает кокосы для ром-коко.

Шеннон (громко снизу). Фред!.. Эй, Фред!

Мэксин (сразу посерьезнев). Фреду не слышать вас, Шеннон. (Поднимает сбитый кокос и, приблизив к уху, трясет, определяя, есть ли в нем молоко.) Шеннон (снизу). А где же Фред? На рыбалке?

Мэксин ударом мачете вскрывает кокос. Рысцей возвращается Панчо с сильнопотрепанным чемоданом Шеннона, сплошь заклеенным ярлыками отелей всех стран. Появляется Шеннон. Он в помятом белом полотняном костюме. Обливается потом, тяжело дышит, глаза блуждают. Шеннон –

² Педро! Бери чемодан! Панчо, что рот разинул! Беги скорей вниз, тащи вещи сеньора! (исп.)

типичный ирландец, лет тридцати пяти. Явно не в себе – то ли чем-то очень взволнован, то ли нервы не в порядке. Он молод, но уже потерпел крушение, и чувствуется, что и в будущем его ждет, по-видимому, еще немало колотушек.

Мэксин. Ну! Дайте посмотреть на вас!

Шеннон. А что на меня смотреть, лучше оденьтесь.

Мэксин. Э... У вас такой вид, словно вы здорово развлекались!

Шеннон. Да и по вас не видно, чтобы вы скучали. Подите оденьтесь!

Мэксин. Черт возьми, я же одета. Не ношу платья в сентябре. Будто сами не знаете!

Шеннон. Ладно... но хоть блузу застегните.

Мэксин. И давно вы опять взялись за свое, Шеннон?

Шеннон. То есть?

Мэксин. Запили...

Шеннон. Черт, да у меня просто голова кружится... лихорадка треплет. С утра было больше тридцати девяти.

Мэксин. Что с вами?

Шеннон. Малярия... малярия... Где Фред?

Мэксин. Умер.

Шеннон. Вы сказали – умер?

Мэксин. Да. Фред умер.

Шеннон. От чего?

Мэксин. Недели две назад поранил руку рыболовным крючком. Загноилась, потом заражение крови, и через два

дня – конец. (К Панчо.) Vete!³ Шеннон. Боже мой!

Мэксин. Все не могу поверить...

Шеннон. Ну, на неутешную вдову вы мало похожи.

Мэксин. Фред был стар, дитя мое. Я ведь на десять лет моложе. Мы уже давно с ним не жили...

Шеннон. А какое это имеет значение?

Мэксин. Прилягте, выпейте ром-коко.

Шеннон. Нет, нет, лучше холодного пива. С этим ром-коко стоит только начать и уже не отстанешь... Значит, Фред умер? А я-то мечтал, как буду лежать в этом гамаке, толковать с Фредом...

Мэксин. Да, с Фредом уже не потолкуешь, Шеннон... Диабетик с заражением крови, да если еще порядочной больницы нет поблизости, и нескольких дней не протянет.

Снизу гудок автобуса.

Почему ваши дамы не идут сюда? Они вам гудят.

Шеннон. Ну и пусть их гудят, пусть гудят... (Слегка пошатывается.) У меня малярия. (Подходит к тропинке, раздвигает кусты и кричит вниз.) Хэнк! Хэнк! Вытряхивайте их из автобуса, тащите сюда! Скажите, здесь здорово кормят. Скажите, что... (Голос у него срывается. Шатаясь, подходит к веранде и, тяжело дыша, опускается на нижнюю ступеньку.) Самая ужасная группа за все десять лет моей работы гидом. Ради Бога, помогите уломать их. Я не могу, я должен отдохнуть.

³ Иди сюда! (исп.)

Мэксин подает ему пиво.

Спасибо. Посмотрите, выходят они из автобуса?

Мэксин раздвигает кусты, смотрит.

Вышли или все еще сидят эти стервы? Учительницы из женского баптистского колледжа в Техасе! Одиннадцать! Одиннадцать мегер...

Мэксин. Целая футбольная команда старых дев.

Шеннон. Да, а я вместо мяча. Ну что, вышли?

Мэксин. Одна. Пошла в кусты.

Шеннон. Ладно, ключ от зажигания у меня. Вот в этом кармане. Без меня им не двинуться с места, разве что пешком.

Мэксин. Опять гудят.

Шеннон. Фантастика! Эту группу мне нельзя потерять. Я сейчас на испытании. Месяц назад тоже подобралась такая же сволочная компания. Добились моего увольнения. И теперь «Бюро Блейка» дало мне испытательный срок. Если и с этой группой не повезет – меня тут же уволят... О Боже, все еще сидят в автобусе? (С трудом подымается, подходит к тропинке, раздвигает кусты, смотрит вниз и кричит.) Хэнк! Тащите их из автобуса-а-а! Гоните сюда-а-а!..

Голос Хэнка (снизу). Они хотят вернуться в го-о-оро-од!

Шеннон. Не выйдет в го-о-оро-од! Уф... Пять лет назад я был гидом у Кука, совершал кругосветные путешествия со специальными группами... Отошедшие от дел финансисты с Уолл-стрит, решившие пожить в свое удовольствие. Мы

разъезжали в шикарных машинах – «Пирс-Эрроуз», «Эспано-Суиза»... Ну что, лезут из автобуса?

Мэксин. Выбиваетесь из сил, Шеннон?

Шеннон. Какое там, уже выбился! Выдохся! (Встает и снова кричит.) Хэнк! Идите сюда! Сию же минуту! Надо обсудить положение. Черт-те что! Фантастика! (Снова садится на ступеньки, обхватив голову руками.) Мэксин. Они не выходят из автобуса. Шеннон... все равно ведь вам уже не справиться с этой группой – нервы не те, Шеннон. Да пусть они катят себе дальше, а вы оставайтесь.

Шеннон. Вы же знаете, в каком я положении. Ну, потеряю работу, а дальше что? Мэксин, радость вы моя, да служба у «Блейка» – и так уж предел падения. Выползают они из автобуса? Вышли наконец?

Мэксин. По тропинке подымается мужчина.

Шеннон. А, Хэнк! Вы должны мне помочь обломать его.

Мэксин. Угощу ром-коко.

Хэнк (появляется на веранде, ухмыляется). Шеннон, эти леди не желают идти сюда. Придется вам спуститься вниз.

Шеннон. Фантастика! Не пойду. Ведь ключ от зажигания у меня в кармане. И останется там три дня.

Хэнк. Не выйдет, Шеннон. Черт подери, не дадите ключ – они отправятся в город пешком.

Шеннон. И по дороге будут падать, как мухи, от солнечных ударов... Фантастика, совершенная фантастика!.. (Задыхаясь, весь в поту, кладет руку на плечо Хэнка.) Хэнк, я

надеюсь на вас. Поможете? При такой трудной группе мне – руководителю, и вам – шоферу надо держаться друг друга, если они ополчатся на нас. Ведь сейчас вопрос стоит, кто кого – двое мужчин или этот выводок мокрых куриц! Понимаете, Хэнк?

Хэнк. Так-то оно так... (Хихикает.) Если бы не эта девчонка... забила в уголке на заднем сиденье и ревмя ревет. Не знаю, черт побери, было у вас с ней что или не было, только они-то думают, было, потому что она все время глаз не осушает.

Шеннон. Вот что, Хэнк. Плевать мне, что они думают. Там, где гидом Лоренс Шеннон, он один хозяин; только он решает, куда ехать, когда ехать, – весь распорядок путешествия во всех подробностях. Иначе я слагаю с себя ответственность. Поэтому идите и вытаскивайте их из автобуса, пока они там не задохлись. В случае чего тащите их силой и гоните сюда. Слышите? И не спорьте со мной. Миссис Фолк, дорогая! Дайте Хэнку рекламный образец меню вашего ресторана, пусть покажет этим дамам. Здесь у нее такой повар-китаец, глазам своим не поверите, когда увидите меню. В Шанхае был шефом в лучшем клубе. Я его уговорил перейти к ней сюда. К тому же фанатик европейской кухни... Хотите – бефстроганов, хотите – любые блюда французской кухни. Миссис Фолк, дорогая, вручите ему одно из ваших неопишемых меню.

Передавая Хэнку листок, Мэксин посмеивается, словно

она участвует в забавном розыгрыше.

Спасибо. Вот, ступайте к ним, покажите им это сказочное меню, опишите вид с горы...

Хэнк берет меню, ухмыляясь и покачивая головой.

Выпейте холодного пива и...

Хэнк. Лучше бы вам самому к ним спуститься.

Шеннон. Я не сойду с этой веранды еще по крайней мере двое суток. А это что еще? Живой гротеск в манере Иеронима Босха?

Неожиданно, словно в дурном сне, появляется семейка Фаренкопф – немцы, живущие в отеле. Они огибают веранду и идут к тропинке, ведущей на пляж. Их костюмы отвечают требованиям приличия лишь в минимальной степени. Розово-золотистые барочные купидоны разных габаритов – их роскошные тела так и просятся на полотна Рубенса. Хильда, новобрачная, появляется верхом на большой резиновой надутой лошадке. Глаза ее сверкают, на устах – восторженная улыбка. «Но, но, лошадка!» – кричит она, галопируя в сопровождении своего юного мужа, Вольфганга, такого вагнеровского тенора. За ними ее папаша, герр Фаренкопф, владелец танкового завода во Франкфурте. В руках портативный коротковолновый приемник, из которого несется треск и гортанный голос немецкого диктора, передающего репортаж о битве за Англию. За ним маменька, фрау Фаренкопф, – здоровенная, жирнющая, с полной сумкой снеди для пикника на пляже. Немцы хором запевают нацистский марш.

А-а, и тут нацисты! И чего это их столько нанесло сюда в последнее время?

Мэксин. Мексика, дорогой мой, – это парадная дверь в Южную Америку и черный ход в Штаты – вот почему.

Шеннон. Ага, а теперь, когда Фреда не стало, вы устраиваетесь швейцаром у этих дверей?

Мэксин подсаживается к нему в гамак.

Уходите, пока вы мне кости не сломали. Если уж пришла охота крушить, накололи бы мне лучше льду, приложить к голове.

Мэксин вынимает кусочек льда из своего стакана и водит им по лбу Шеннона.

О Господи...

Мэксин (усмехаясь). Ха! Значит, спутались с цыпленочком, Шеннон, а старые куры заклохтали.

Шеннон. Сама напросилась, правду говорю. Но ей еще нет и семнадцати, только через месяц исполнится. Так что все оборачивается серьезно, и даже очень. Девочка оказалась скороспелкой не только в делах любовных – она еще и вундеркинд, музыкальное чудо.

Мэксин. При чем тут музыка?

Шеннон. А при том, что она путешествует под крылышком, вернее, под конвоем своей проклятой учительницы пения, которая даже в автобусе устраивает хоровые спевки. О Боже ты мой! Удивляюсь, как это они и сейчас не голосят хором. Верно, совсем уж задохлись в автобусе, а то бы завели

елейными голосками что-нибудь трогательное и благонравное... О Боже!..

Мэксин посмеивается.

Каждый вечер, как отужинают да выложат мне все свои жалобы – и еда-то им плоха, и чего-то, по расчетам учительницы математики, им недодали, – да еще нескольких дам, ходивших обследовать кухню, успеет вырвать, начинается концерт. Наша канарейка – эта самая девчонка – открывает клюв, и пошло: песенки Кэрри Джекобса Бонда, песенки Этелберта Невина. Представляете, Мэксин, после целого дня адских мук – к примеру, трижды подряд спустит шина или обнаружится течь в радиаторе, как было на Тьерра Кальенте... (Воспоминания словно прибавили ему сил, и он медленно приподымается в гамаке.) А раз вечером пришлось под проливным дождем ползти в гору с риском для жизни на крутых поворотах над пропастью... а под сиденьем у шофера – учтите! – стоял, как полагали мои училочки, термос с холодной водой, но мне-то было доподлинно известно: там была холодная текила... и вот после того, как еще один такой восхитительный денек, казалось, уже позади, наш вундеркинд, мисс Шарлотта Гуделл, сразу после ужина, чтоб я не успел удрать, начинает душераздирающую и нестерпимую для человеческого уха песенку Кэрри Джекобса Бонда «Конец прекраснейшего дня». И самое страшное – ни тени юмора!

Мэксин. Ха!

Шеннон. Вам-то, конечно, «ха!». Да, забыл еще – накануне... нет, за день до того, в Чильпансинго у нас вышли из строя тормоза. И вот – надо же! – в отеле, где мы застряли на ночь, нашелся старый рояль, который не открывали, должно быть, с тех пор, как убили императора Максимилиана. Так эта тexasская канарейка раскрывает клюв и щебечет: «Я люблю вас всей душой». А сама уставилась на меня, да еще с ужимками такими... вся так и млела, пока ее конвоир, эта чертова учительница пения – сто лошадиных сил, – не хлопнула крышкой рояля и не потащила ее из гостиной. Но ее тащат, а наша мисс канарейка опять раскрыла клюв и вопит: «Ларри, Ларри, я люблю вас всей душой!» А ночью вхожу к себе в комнату и обнаруживаю, что я там не один.

Мэксин. К вам вселился вундеркинд?

Шеннон. Ко мне вселился призрак!.. Вселился в душную комнатенку с одной кроватью не шире гладильной доски и такой же жесткой. И призрак уже там – потел и улыбался мне.

Мэксин (усмехаясь). А, призрак! Значит, за вами опять гоняются призраки?

Шеннон. Совершенно верно, дорогая, – единственно, кто вышел со мной из автобуса.

Мэксин. И сейчас он уже здесь?

Шеннон. Неподалеку.

Мэксин. Где? На веранде?

Шеннон. Скорее, притаился за верандой. Где-нибудь поблизости, но он вроде индейцев сиу, которые до захода солн-

да не нападают. Послезакатный призрак. (Услышав долгий, настойчивый гудок автобуса. вылезает из гамака.) Мэксин.

У меня есть крошка-тень, Точный мой портрет.

Одного я не пойму – Есть в ней прок или нет.

Мой двойник, она за мной Ходит по пятам.

Чуть хочу нырнуть в кровать.

А она уж там.

Шеннон. Истинная правда. Вместе со мной прыгает в постель.

Мэксин. Когда спите один или...

Шеннон. Да я уже три ночи не спал.

Мэксин. Ну, сегодня отоспишься, мальчик.

Снова гудок.

Шеннон (опасливо поглядывает вниз). Сколько нужно времени, чтобы выпарить целый педагогический совет баптистского колледжа из автобуса, который остановился на самом солнцепеке при сорока градусах в тени?!

Мэксин. Вон, выползают.

Шеннон. Так... Значит, в этом раунде я победил. Что они там делают? Вам не видно?

Мэксин. Окружили вашего приятеля Хэнка.

Шеннон. И рвут на куски?

Мэксин. Одна здорово залепила ему, и он забился в автобус. А она сюда подымается.

Шеннон. О тень Великого Цезаря! Наверное, эта сволочь – учительница пения.

Голос мисс Феллоуз (пронзительно). Шеннон! Шеннон!
Шеннон. Ради Бога, помогите мне справиться с ней.

Мэксин. Вы же знаете, мальчик, не выдам. Но почему бы вам не перестать гоняться за малолетками и не проявить побольше здорового интереса к взрослым женщинам?

Голос мисс Феллоуз (пронзительно). Шеннон!

Шеннон (кричит вниз). Подымайтесь сюда, мисс Феллоуз. Я уже все устроил. (К Мэксин.) О Боже, она прет в гору, как разъяренный бык!

Мисс Феллоуз продирается сквозь заросли по тропинке.

Мисс Феллоуз, никогда этого не делайте! Летом в тропиках, да еще во время полнолуния, нельзя подыматься в гору, словно вы ведете в атаку кавалерийский полк на совершенно неприступный...

Мисс Феллоуз (тяжело дыша, в ярости). Мне не нужны ни ваши предостережения, ни ваши советы! Мне нужен ключ от машины!

Шеннон. Миссис Фолк, разрешите вам представить – мисс Джудит Феллоуз.

Мисс Феллоуз. Этот человек вошел с вами в сделку?

Мэксин. Я не понимаю, о чем вы...

Мисс Феллоуз. Работает у вас на процентах?

Мэксин. А зачем мне платить проценты? Мне и так приходится больше отказывать туристам, чем...

Мисс Феллоуз (прерывая ее). Но это не «Эмбос Мундус». А в проспекте сказано, что в Пуэрто-Баррио мы должны

остановиться в «Эмбос Мундос», в центре города.

Шеннон. Да, на площади. Вот вы расскажите ей насчет этой площади.

Мэксин. А что насчет площади?

Шеннон. Расскажите, какая там жарница, шум, какая там вонь и сколько мух. Бродячие собаки дохнут прямо на...

Мисс Феллоуз. А здесь, по-вашему, лучше?

Шеннон. Вид с этой веранды не хуже, а по-моему, даже лучше, чем вид с пика Виктории в Гонконге или с верхней террасы дворца самого султана в...

Мисс Феллоуз (перебивая). Мне нужен вид чистой кровати, ванны, которая работает, и пищи, которую можно есть и переварить и которая не заражена всякими...

Шеннон. Мисс Феллоуз!

Мисс Феллоуз. Уберите руку с моего плеча!

Шеннон. Только взгляните на это меню. Повар – китаец, вывезенный мной из Шанхая! В позапрошлом, то есть в одна тысяча девятьсот тридцать восьмом году он был шефом в Королевском колониальном клубе в...

Мисс Феллоуз (перебивая). Есть телефон?

Мэксин. Конечно, в моем кабинете.

Мисс Феллоуз. Я хочу позвонить. Где ваш кабинет?

Мэксин (к Панчо). Lleva al telefono!⁴

Мисс Феллоуз с сопровождении Панчо направляется в кабинет.

⁴ Проводи к телефону! (исп.)

Безнадежно вздыхая, Шеннон прислонился к стене веранды.

Ха!

Шеннон. Зачем вам понадобилось...

Мэксин. Что?

Шеннон. Выйти в таком виде! Вам смешно, а мне...

Мэксин. В каком виде? Чем я вам не понравилась?

Шеннон. Говорил вам – застегните блузу. Или так гордитесь своим бюстом, что вам жаль застегнуть пуговицу? Подите к телефону, послушайте – неужели она в самом деле звонит «Блейку» и добивается моего увольнения?

Мэксин. Пусть лучше не пробует, пока не заплатит за вызов. (Уходит в кабинет.)

У нижних ступенек веранды появляется мисс Ханна Джелкс. Шеннон отворачивается к стене и с коротким всхлипом ударяет по ней кулаком.

Ханна (в изумлении останавливается). Простите.

Шеннон озадаченно смотрит на нее. Она выглядит необычно, в ней есть что-то не от мира сего, почти призрачное. Словно ожившая средневековая статуя святой из готического собора. На вид ей можно дать и тридцать лет, и все сорок. Ханна – воплощенная женственность и вместе с тем кажется словно бесполой и без возраста. На ней пестрое бумажное платье, на плече висит большая сумка.

Ханна. Это отель «Коста Верде»?

Шеннон (сразу успокаиваясь). Да. Он самый.

Ханна. А вы... не управляющий?

Шеннон. Хозяйка сейчас вернется.

Ханна. Благодарю вас. Не знаете, не найдется здесь два свободных номера – для меня и для моего дедушки? Он в такси, ждет внизу, на дороге. Я не хотела везти его в гору, пока не узнаю, есть ли комнаты?

Шеннон. В такое время, не в сезон, здесь много свободных комнат.

Ханна. Чудесно! Просто замечательно! Пойду высажу его из такси.

Шеннон. Может, вам помочь?

Ханна. Нет, благодарю вас. Прекрасно справимся сами. (Приветливо кивает ему и уходит по тропинке через заросли.)

Шеннон ложится в гамак, вытягивается. Падает кокос, вдали прокричал попугай.

На веранде появляется Мэксин.

Шеннон. Ну что она, позвонила?

Мэксин. Вызывала техасского судью. Из Блоуинг Рок. И готова оплатить вызов.

Шеннон. Значит, хлопочет о моем увольнении. И шьет мне дело о совращении, наказуемом законом.

Мэксин. Что значит «наказуемое законом»? Никогда не могла понять.

Шеннон. Это тот случай, когда девушка моложе двадцати совращает мужчину.

Мэксин хихикает.

Ничего смешного, дорогая моя Мэксин.

Мэксин. И на что вам нужны такие зеленые, или, вернее, почему вы вбили себе в голову, что они вам нужны?

Шеннон. Да никакие мне не нужны... независимо от возраста.

Мэксин. Зачем же тогда путаться с ними?

Он не отвечает.

А, Шеннон?

Шеннон. Нужна же хоть какая-нибудь человеческая близость, милая Мэксин.

Мэксин. Какой у вас размер ботинок?

Шеннон. Не понимаю, к чему вы клоните.

Мэксин. Башмаки у вас прохудились, а если не ошибаюсь, запасных вы с собой в поездку не берете. После Фреда осталась пара хороших ботинок, у вас, кажется, один размер.

Шеннон. Я любил старину Фреда, но не хочу залезать в его башмаки, дорогая.

Мэксин (снимая с Шеннона поношенные полуботинки). Да у вас и носки рваные. Фредовы носки будут вам как раз впору. (Расстегивает ворот его рубашки.) О, вы, я вижу, надели свой золотой крест? Плохой признак – опять подумываете о возвращении в церковь?

Шеннон. Да, Мэксин, это мой последний тур. Сегодня утром я написал своему старому епископу. Полное покаяние, полная капитуляция.

Мэксин (вынимая конверт из влажного кармана его рубашки). Если речь идет об этом письме, то старик не сможет его прочесть, пусть вы его на этот раз и пошлете, – так оно пропотело на вас. (Проходит за угол веранды.)

По тропинке, утирая пот с лица, поднимается Хэнк. При виде развалившегося в гамаке Шеннона начинает злиться.

Хэнк. Может, вытащите свой зад из гамака?

Шеннон. Ни за что.

Хэнк. Шеннон, живо вон из гамака! (Дает Шеннону пинка под зад.) Шеннон. Хэнк, если вы не справляетесь в тяжелой обстановке, значит, вы занимаете свое место не по праву. Я вам дал определенные указания. И очень простые. Надо было вытащить их из автобуса и...

Появляется Мэксин с кружкой горячей воды, бритвенным прибором и полотенцем.

Хэнк (снова поддав Шеннону, на этот раз сильнее). Шеннон, вон из гамака.

Шеннон (предупреждая). Хватит, Хэнк! Немного фамильярности – куда ни шло, но вы заходите слишком далеко.

Мэксин начинает намыливать ему лицо.

Что это вы?

Мэксин. Вам что, не приходилось бриться и стричься у парикмахерши?

Хэнк. Девочка в истерике.

Мэксин. Не дергайтесь, Шеннон.

Шеннон. Хэнк, истерия – нормальное явление. Все жен-

щины – истерички, натура такая. Опасное оружие в руках женщины, и только тот мужчина достоин называться мужчиной, которого истерикой не проймешь. Вы хотите заставить меня поверить, что у вас кишка тонка? Если так, я не смогу...

Мэксин. Не дергайтесь!

Шеннон. Я и не дергаюсь. (Хэнку.) ...взять вас с собой в следующую поездку. Поэтому идите и...

Хэнк. Вы хотите, чтобы я пошел к ним и доложил, что вы здесь прохлаждаетесь в гамаке, пока на вас наводят красоту?

Мэксин. Скажите, что преподобный Ларри возвращается в лоно церкви, так что они могут проваливать в свой Техас.

Хэнк. Пивка бы мне.

Мэксин. Угощайтесь на здоровье. Холодильник у меня в кабинете. (Указывает ему, куда пройти.) Шеннон (после ухода Хэнка). Как ужасно, Мэксин, – самому в пору волком взвыть, а ты и тут должен морочить людям голову. Мэксин! Вы меня порезали!

Мэксин. Вы все время вертитесь.

Шеннон. Подровняйте немножко бороду, и ладно.

Мэксин. Сама знаю. Беби, поплаваем сегодня ночью? Даже если море будет беспокойно, а?

Шеннон. О Боже...

Мэксин. Эти мальчишки-мексиканцы... как они плавают ночью! Ха! Я их заметила, когда они ныряли с балконов отеля «Кебрада» с высоты в двести футов. Но их оттуда вы-

гнали за то, что они слишком уж угождали гостьям. Тут-то мне и удалось их заполучить.

Шеннон. Узнаю вас – нигде своего не упустите. Вцепились в жизнь мертвой хваткой.

Мэксин. А какой еще хваткой в нее вцепляться – живой? Этого никто не умеет... разве что Фред умел... (Кричит: «Фред!»)... Далекое эхо на соседних холмах еле слышно отвечает ей.) А теперь одно только эхо откликается, когда его позовешь... (Освежает Шеннону лицо лосьоном.) Милый старый Фред – он всегда оставался для меня загадкой. Так был кроток, так на все глаза закрывал. Даже зло брало. Мужчина и женщина должны вечно подхлестывать друг друга – понимаете, о чем я говорю? Я наняла этих мальчишек-пловцов еще за полгода до смерти Фреда, а он... думаете, обратил внимание? Задело его хоть столечко, когда я начала с ними плавать по ночам? Ничуть... уйдет себе на рыбалку... на всю ночь... А утром просыпаешься – опять собирается на рыбалку. А ведь, бывало, поймает рыбину и тут же обратно в море отпускает.

Возвращается Хэнк, садится на ступеньки и пьет пиво.

Шеннон. Загадка старого Фреда проста: тихий и достойный был человек – вот и вся его загадка... Скажите-ка своим пловцам полуночным, пусть выгребут из автобуса барахло моих туристов, да поживей, пока эта учительница пеняя треплется там по телефону и не может вмешаться.

Мэксин (кричит вниз). Педро! Панчо! Muchachos! Trae las

maletas al anexo! Pronto!⁵

Педро и Панчо кидаются по тропинке.

(Усаживается в гамак, прижимаясь к Шеннону.) Я помещу вас у себя под боком, в бывшей комнате Фреда.

Шеннон. Хотите, чтоб я влез не только в его носки и башмаки, но и в его комнату, рядом с вашей? (Неодобрительно смотрит на Мэксин. Понимая, что у нее на уме, и скептически посмеиваясь, снова развалился в гамаке.) Ну нет, дорогая... Конечно, я все время мечтал, как сяду в гамак на этой веранде, посреди пальмовых чащ, над тихой морской бухтой... Только это и давало мне силы в теперешней поездке и поддерживало в мыслях о возвращении... к истинному призванию...

Мэксин. Ха! Так у вас все-таки случаются проблески, когда вы способны сообразить, что прихожане ходят в церковь не ради безбожных проповедей?

Шеннон. Черт бы вас побрал, да я ни разу в жизни не произнес безбожной проповеди...

Из-за угла веранды появляется мисс Феллоуз; она устремляется к Шеннону и Мэксин – та выскакивает из гамака.

Мисс Феллоуз. Я уже позвонила. Счет за разговор мне переведут в Техас.

Мэксин пожимает плечами и отходит в сторону. Мисс Феллоуз выходит на середину веранды.

Шеннон (сидя в гамаке). Извините, мисс Феллоуз, я не

⁵ Ребята! Тащите-ка багаж в пристройку! Да поживей! (исп.)

встаю, но мне... Присяжьте, пожалуйста, на минутку – хочу вам признаться кое в чем.

Мисс Феллоуз. Интересно, в чем же?

Шеннон. У каждого может наступить в жизни такой момент. Я потерпел аварию, но...

Мисс Феллоуз. А как это возместится нам?

Шеннон. Я что-то не совсем понимаю вас, мисс Феллоуз. (Садится прямо и смотрит на нее, кротко, смущенно, явно рассчитывая смягчить наконец это каменное сердце.) Я открываю вам душу, сознаюсь, что дошел до точки, натянул лямку, что называется, до отказа, а вы: «А как это возместится нам?»! Не надо, мисс Феллоуз, прошу вас. Не заставляйте меня поверить, будто взрослый, разумный человек может требовать с ближнего еще и каких-то возмещений, когда ближний и без того дошел до точки и нет ему дальше ходу, как он ни рвется... как ни тщится доказать, что все ему ни-почем. Не надо... не надо... это бы...

Мисс Феллоуз. Что? Договаривайте...

Шеннон. ...поколебало, если не совсем разрушило во мне и без того некрепкую веру в то, что человек от рождения добр.

Мэксин (появляясь на веранде с носками Фреда). Ха!

Мисс Феллоуз. И вы еще смеете спокойненько сидеть тут, вернее сказать, лежать, да, да – валяться и разглагольствовать о...

Мэксин. Ха!

Мисс Феллоуз. ...о человеческой доброте! А сами понятия не имеете даже об элементарнейшей пристойности. Ну и лежите здесь, валяйтесь. А мы едем!

Шеннон (поднимается с гамака). Мисс Феллоуз, по-моему, руковожу группой все-таки я, а не вы.

Мисс Феллоуз. Вы?! Да вы только что сами признали, что не годитесь для такой работы.

Мэксин. Ха!

Шеннон. Мэксин, может быть, вы...

Мисс Феллоуз (холодно прерывая его в праведном гневе). Вот что, Шеннон. Мы, девушки, работали как каторжные, трудились весь год в поте лица ради этой поездки в Мексику, а поездка оказалась сплошным надувательством.

Шеннон (про себя). Фантастика!

Мисс Феллоуз. Да, сплошным надувательством! Вы не придерживались ни расписания, указанного в проспекте, ни разрекламированного там маршрута. И нам не важно, кто кого водит за нос: ваша фирма нас или вы фирму, – я уже пустила в ход все свои связи и не остановлюсь ни перед чем.

Шеннон. О мисс Феллоуз, да разве нам обоим не ясно, что все эти истерические выходки, которые джентльмену по рождению и по воспитанию и не пристало бы выслушивать, в данном случае просто несостоятельны и вызваны совсем не теми тривиальными причинами, на которые вы ссылаетесь. Так не лучше ли сразу назвать истинную причину...

Мисс Феллоуз. Причину чего?

Показывается Шарлотта.

Шеннон. Вашей ярости, мисс Феллоуз. Вашей...

Мисс Феллоуз. Шарлотта. Иди вниз к автобусу!

Шарлотта. Джуди, они там...

Мисс Феллоуз. Что тебе сказано! Сейчас же вниз!

Шарлотта повинуется, как вышколенная собачонка. Мисс Феллоуз снова устремляется к Шеннону, который, подойдя к ней ближе, примирительно опускает руку ей на плечо.

Мисс Феллоуз. Руки прочь!

Мэксин. Ха!

Шеннон. Фантастика! Ну, мисс Феллоуз, погорячились, и хватит, а? Пожалуйста! А теперь я в самом деле прошу вас разрешить дамам подняться сюда, чтобы убедиться, как здесь удобно, и сравнить это с тем, что они видели в городе. Мисс Феллоуз, ведь еще есть на свете уголки, полные очарования, а в других местах одна скучища да убогая имитация модных тexasских мотелей.

Но мисс Феллоуз бросается к тропинке посмотреть, послушалась ли ее Шарлотта.

Шеннон идет следом, все еще надеясь умиловить ее. Мэксин еще раз произносит свое «ха!» и, когда Шеннон проходит мимо, хочет ласково погладить его, но он отбрасывает ее руку, продолжая взывать к мисс Феллоуз.

Мисс Феллоуз. Я, кстати, заглянула в номера: по сравнению с ними самые захудалые мебелирашки – апартаменты у «Ритца».

Шеннон. Мисс Феллоуз, я служу у «Блейка» и потому не вправе сказать вам со всей откровенностью, как неточен их рекламный проспект. Да они попросту и Мексики-то не знают толком. А я знаю. Так же доподлинно, как и другие пять континентов на...

Мисс Феллоуз. Мексика – континент? Вы что, не учили географии?

Шеннон. У меня степень доктора богословия, которую я получил в Сьюэни, география же за последние десять лет стала моей специальностью, дорогая моя мисс Феллоуз. Назовите-ка мне туристическое агентство, в котором бы я не работал. Не сможете! А сейчас я работаю у «Блейка» только потому...

Мисс Феллоуз. Потому что вам жизнь не в жизнь без невинных несовершеннолетних девчонок.

Шеннон. Ну, ну, мисс Феллоуз... (Снова касается ее плеча.) Мисс Феллоуз. Уберите руку!

Шеннон. Я уже давно замечаю, что вы почему-то сердитесь и в плохом настроении, но...

Мисс Феллоуз. О, так вам кажется, что одна я в плохом настроении?! А по-вашему, колесить в этом душном автобусе по проселкам, да с горы на гору, пока всю душу не вытрясет...

Шеннон. Мне одно ясно: вы – заводила этого бунта.

Мисс Феллоуз. Вся группа больна дизентерией.

Шеннон. Ну, уж это не моя вина.

Мисс Феллоуз. Именно ваша!

Шеннон. Еще до въезда в Мексику, в Нью-Ларедо, на границе, я собрал вас и роздал отпечатанные на гектографе инструкции, в которых сказано, что можно есть и чего нельзя, что можно пить и что не рекомендуется...

Мисс Феллоуз. Дело не в том, что мы ели, а где нас кормили.

Шеннон (качая головой, как метроном). Это у них не дизентерия.

Мисс Феллоуз. Но это результат питания в таких заведениях, которые без всяких разговоров закрыла бы любая санитарная комиссия...

Шеннон. Минуточку...

Мисс Феллоуз. ...за несоблюдение элементарных правил гигиены.

Шеннон. Да это не дизентерия, не амебное заражение, а самый обыкновенный...

Мэксин. «Мечь Монтесумы»! Вот как мы это называем.

Шеннон. Я ведь раздавал пилюли, снабжал вас микстурой, поскольку знал наперед, что ваши дамы скорей выберут «Мечь Монтесумы», чем потратят пять сентаво на минеральную воду в бутылках.

Мисс Феллоуз. Вы сбывали ваши пилюли с прибылью в пятьдесят центов с пузырька!

Мэксин. Ха-ха! (Ударом мачете раскрывает кокос и приготавливает ром-коко.) Шеннон. Знаете, мисс Феллоуз, шут-

ки шутками, но такие обвинения...

Мисс Феллоуз. Я справилась о цене в аптеке, я вас давно подозревала.

Шеннон. Мисс Феллоуз, я – джентльмен и не позволю оскорблять себя. Имейте в виду: я не потерплю таких оскорблений даже от члена своей группы. И мне кажется, мисс Феллоуз, вы не должны еще забывать, что разговариваете с лицом, посвященным в сан.

Мисс Феллоуз. С расстригой, выдающим себя за священника!

Мэксин. Может, выпьете ром-коко? Для гостей – бесплатно. (Не услышав ответа, пожимает плечами и выпивает ром-коко сама.) Шеннон. Мисс Феллоуз, в каждой партии найдется недовольный, которому все не так, как ни старайся сделать поездку... более интересной, не стандартной, придать ей нечто своеобразное, какой-то особый «штрих Шеннона».

Мисс Феллоуз. Жулика... Попа-расстриги!

Шеннон. Мисс Феллоуз, не надо, не надо, не надо... Уймись! (Он близок к истерике. Выкрикивает что-то нечленораздельное, потрясает кулаками, мечется по веранде и, пытаясь перевести дух, прислоняется к столбу.) Не надо... не унижайте... человеческой... гордости!

Женский голос (снизу). Джуди?! Они уносят багаж!

Мисс Феллоуз (кричит). Девушки! Девушки! Держите чемоданы! Не давайте уносить наши вещи в эту мусорную яму!

Женский голос. Джуди! Нам с ними не справиться!

Мэксин. Эти парни понимают только по-испански.

Мисс Феллоуз (Мэксин, в ярости). Будьте любезны приказать им отнести наш багаж в автобус. (Кричит вниз.) Девушки! Держите свои вещи! Не давайте уносить их! Мы поедem обратно в А-ка-пуль-ко! Слышите?

Женский голос (внизу). Джуди, девушки хотят сначала поплавать.

Мисс Феллоуз. Иду! (Бежит вниз, на ходу кричит мексиканцам.) Эй вы! Мальчики! Muchachos! Несите вещи вниз!

Вскоре крики замирают. Шеннон, вконец расстроенный, ходит по веранде.

Мэксин (качая головой). Шеннон, отдайте ключ, и пусть убираются.

Шеннон. А я?

Мэксин. Останетесь здесь.

Шеннон. В спальне Фреда?! Ну да, конечно, в спальне покойного Фреда.

Мэксин. Может обернуться и хуже.

Шеннон. Хуже? Ну что ж, пусть... Пусть хуже!.. Пусть!

Мэксин. Ну, ну, малыш...

Шеннон. Если может быть еще хуже – пускай. (Цепляясь за перила лестницы, смотрит широко открытыми, потерянными глазами. Грудь бурно вздымается, как у бегуна после длинной дистанции. Он весь в поту.) Мэксин. Давайте-ка ключ от машины. Я отнесу его шоферу, а вы пока выкупаетесь, беби, отдохнете, выпьете ром-коко.

Шеннон неуверенно качает головой. Из пальмовой чащи слышатся резкие крики птиц. На тропинке голоса.

Голос Ханна. Дедушка, ты потерял свои темные очки?

Голос дедушки. Нет. Я их снял. Солнца-то нет.

На тропинке появляется Ханна, она везет дедушку в кресле на колесах. Дед очень стар, но у него могучий голос, и потому всегда кажется, что он кричит что-то очень важное. Дедушка – поэт и актер. В нем чувствуется гордость, которую он всюду несет как знамя. Его белый полотняный костюм безупречен; столь же выдержаны в стиле, как и черный шнурок галстука, – черная трость с золотым набалдашником и густая белая поэтическая грива.

Дедушка. С какой стороны море?

Ханна. Море внизу, под горой, дедушка.

Дед оборачивается, прикрывая глаза рукой.

Отсюда его не видно.

Старик глух, и Ханне приходится кричать.

Дедушка. Но я уже чувствую запах моря.

Ветерок пробегает по листве джунглей.

Колыбель жизни! (Тоже кричит.) Жизнь ведь началась в море.

Мэксин. Тоже из вашей группы?

Шеннон. Нет.

Мэксин. Парочка тронутых.

Шеннон. Тише! (Пристально смотрит на Ханну и деда, и, кажется, один их вид действует на него гипнотически, сни-

мая напряжение.)

Старик подслеповато поглядывает вниз, а Ханна с надеждой смотрит на веранду – человек гордый, она, если уж просит, верит, что люди отзовутся.

Ханна. Здравствуйте.

Мэксин. Привет.

Ханна. Вам не доводилось везти человека вот так, в кресле, в гору, сквозь заросли?

Мэксин. Нет, я не повезла бы даже и под гору.

Ханна. Но теперь, когда это уже позади, я не жалею. Какой вид для художника! (Тяжело дыша, осматривается вокруг, ищет в сумке носовой платок, чувствуя, что лицо ее горит и все в поту.) Мне говорили в городе, что здесь идеальное место для художника, и надо сказать, так оно и есть.

Шеннон. У вас на лбу царапина.

Ханна. А, так я и знала...

Шеннон. Надо смазать йодом.

Ханна. Благодарю вас, потом.

Мэксин. Что вам угодно?

Ханна. Я бы хотела видеть хозяина.

Мэксин. Это я.

Ханна. О, вы хозяйка?! Очень приятно. Разрешите представиться, я – Ханна Джелкс, миссис...

Мэксин. Фолк... Мэксин Фолк. Чем могу быть полезна? (Тон ее отнюдь не выражает намерения и вправду быть им полезной.) Ханна (живо обернувшись к деду). Дедушка,

здешняя хозяйка – леди из Штатов.

Дедушка (поднимая лежащую у него на коленях веточку дикой орхидеи и церемонно протягивая ее Мэксин, кричит Ханне). Преподнеси даме эту ботаническую диковину, которую ты нашла на горной тропинке.

Ханна. Мне кажется, это дикая орхидея. Верно?

Шеннон. Лаэлия тибидина.

Ханна. О!

Дедушка. Но скажи ей, Ханна, скажи, что до темноты цветы эти лучше хранить в холодильнике, – на солнце они привлекают мух! (Хихикая, почесывает укус на подбородке.)

Мэксин. Вам нужны комнаты?

Ханна. Да, да. Только мы не успели предупредить заранее.

Мэксин. Видите ли, милая, в сентябре «Коста Верде» закрыт. Исключение делается лишь по особой договоренности, и поэтому...

Шеннон. А это есть особый случай. Исключительный...

Мэксин. Кажется, вы сами сказали, что они не из вашей группы.

Ханна. Прошу вас, допустите нас в число избранных.

Мэксин. Смотрите-ка!

Дед попытался выбраться из кресла. Шеннон еле успевает подбежать подхватить старика, чтобы тот не упал.

Ханна (тоже бросилась было к деду, но, увидев, что Шеннон уже подхватил его, снова обращается к Мэксин). В первый раз за двадцать пять лет наших путешествий мы прие-

хали, не заказав номера заранее.

Мэксин. Дорогая моя, старику-то место в больнице.

Ханна. Нет, нет, просто утром он немного повредил колено. Ему нужно хорошенько выспаться, отдохнуть – и завтра он будет снова на ногах. Дедушка моментально справляется со всякими недомоганиями, поразительно быстро для такого молодого – ему девяносто семь.

Шеннон. Легче, легче, дедушка. Опирайтесь на меня. (Ведет старика на веранду.) Теперь две ступеньки вверх. Раз, два... Ну, вот и хорошо, дедушка! (Доводит его до веранды и усаживает в качалку.)

Дедушка еле дышит, но все посмеивается.

Ханна (живо). У меня нет слов, чтобы выразить вам свою благодарность за то, что вы нас принимаете. Просто счастье для нас!

Мэксин. Ну что ж... такого старца не отправишь тут же в обратный путь. Но как я вам сказала, в сентябре «Коста Верде» закрыт. Я принимаю сейчас немногих и по особой договоренности. Мы работаем в этом месяце на особых условиях.

Дедушка (неожиданно прерывая и очень громко). Ханна, скажи этой леди, что колясочка у меня временная. Скоро я уже способен буду ползать, потом ковылять, а в недалеком будущем начну скакать, как старый... горный... козел... Ха-ха-ха-ха...

Ханна. Да, дедушка, я уже все сказала.

Дедушка. Мне тоже не нравится передвигаться на колесах.

Ханна. Да, дедушка считает, что закат Европы начался именно с изобретения колеса. (Весело смеется, но на Мэксин все это не действует.) Дедушка. И скажи еще этой хозяйке... э-э... этой леди... что я знавал отели, в которых не принимали собак, кошек, обезьян, а в некоторых не слишком добивались особой привилегии нянчиться с младенцами в возрасте около ста лет, ха-ха... которых привозят в колясочках... с цветами вместо детских погремушек... (Хихикает с чуть страшноватым, полубезумным выражением лица.)

Ханне скорей всего хочется закрыть ему рот рукой, но приходится улыбаться.

...Ха-ха... с флягой коньяку вместо колечка для зубов, которые еще только режутся. Но ты скажи ей, что эти... э-э... уступки возрасту – дело временное...

Ханна. Дедушка, я сказала, что вожу тебя в кресле, потому что ты повредил колено.

Шеннон (про себя). Фантастика!

Дедушка. А как только отдохну, я сам покачу его и сброшу с горы, прямо в море. И скажи ей...

Ханна. Да? Что, дедушка? (Она уже не улыбается. И тон ее, и взгляд полны нескрываемого отчаяния.) Что сказать, дедушка?

Дедушка. Скажи ей, если она простит мне мое постыдное долголетие и эту... временную немощь... я преподнесу ей – с автографом! – последний экземпляр моего первого томика

стихов, опубликованных в день... Когда, Ханна?

Ханна (безнадежно). В день вступления на пост президента Улисса Гранта, дедушка.

Дедушка. «Утренний рожок». Где книга? Должна быть у тебя. Отдай ей сейчас же.

Ханна. Потом, попозже. (К Мэксин и Шеннону.) Мой дедушка – поэт, Джонатан Коффин. Ему девяносто семь лет, а в следующем месяце, пятого октября, исполнится девяносто восемь.

Мэксин. Да, старики – занятный народ. Телефон! Извините, я сейчас. (Уходит.) Дедушка. Что, наговорил лишнего?

Ханна (тихо, Шеннону). Боюсь, да. Кажется, она не расположена нас пустить.

Шеннон. Пустит, не беспокойтесь.

Ханна. В городе никто не хотел пускать, и, если мы здесь не устроимся, придется опять катить его через заросли. А куда? Что впереди? Дорога?! А куда? Только в море... Сомневаюсь, чтобы оно расступилось перед нами.

Шеннон. Вам не придется уходить. Я пользуюсь некоторым влиянием на хозяйку.

Ханна. О, пожалуйста, пустите его в ход. Я прочла в ее глазах одно лишь слово – отчетливо, большими буквами: «нет!»

Шеннон наливает воды из кувшина и подает стакан старику.

Дедушка. Это что – выпивка?

Шеннон. Вода со льдом, дедушка.

Ханна. Как вы добры! Спасибо вам. Я, пожалуй, дам ему еще парочку солевых таблеток. (Быстро вынимает флакон из сумки.) Может, и вам? Я вижу, вы тоже в испарине. В жаркое время, да еще под Тропиком Рака, нужно остерегаться обезвоживания.

Шеннон (наливая другой стакан воды). А вы сейчас и в финансовом отношении тоже немного обезвожены?

Ханна. О да! Досуха, до костей, и, кажется, хозяйка это понимает. Впрочем, понять не так уж и трудно – достаточно было увидеть, как я тащу его в гору на себе. Хозяйка как будто неглупая женщина. Она, конечно, сразу смекнула, что такси нам не по карману.

Голос Мэксин. Панчо!

Ханна. Женщине всегда труднее найти общий язык с хозяйкой, чем с хозяином. Если можете повлиять на нее, очень прошу вас, убедите ее, пожалуйста, что завтра, а то и сегодня дедушка уже будет на ногах, и если нам хоть немного повезет, то к этому времени и наши финансовые дела подналадятся. А, вот она. Помогите нам. (Неволью хватает его за руку.)

Мэксин выходит на веранду, продолжая звать Панчо. Является Панчо, посасывая плод манго, сок которого капает ему на подбородок и шею.

Мэксин. Панчо, беги на пляж, скажи господину Фаренкопфу, что ему звонят из германского посольства.

Панчо смотрит на нее, не понимая, и Мэксин повторяет

свое распоряжение по-испански.

Шумно посасывая манго, Панчо лениво спускается по тропинке.

Беги! Я говорю, беги! Coge, coge!

Чуть ускорив шаг, Панчо скрывается в зарослях.

Ханна. Как они грациозны, эти мексиканцы!

Мэксин. Да, грациозны, как кошки, и так же вероломны.

Ханна. Может быть, вы нас... запишете сейчас?

Мэксин. Записать недолго, раньше нужно получить с вас шесть долларов, если хотите поужинать. В несезонное время именно так приходится вести дела.

Ханна. Шесть долларов?..

Мэксин. Да, по три с персоны. В сезон мы работаем по европейскому расписанию, а не в сезон, как сейчас, переходим на свой, американский.

Ханна. О, и в чем же... э-э... различия? (Пытаясь выиграть время, взглядом взывает к Шеннону о помощи.)

Но его внимание поглощено гудками автобуса.

Мэксин. Вместо трехразового питания у нас сейчас двухразовое.

Ханна (приближаясь к Шеннону, чуть громче). Завтрак и обед?

Мэксин. Завтрак и холодный ленч.

Шеннон (в сторону). Да, действительно холодный. Наколотый лед, если сами наколете.

Ханна (раздумывая). Без обеда?

Мэксин. Да, без.

Ханна. Понимаю, но только мы... тоже работаем обычно на особых условиях. Я бы хотела вам объяснить.

Мэксин. Что значит – «работаем»? И на каких «условиях»?

Ханна. Вот наша карточка. Может быть, вы уже слышали о нас! (Подает карточку Мэксин.) О нас много писали. Мой дедушка – старейший из живущих и еще пишущих поэтов. Он читает свои стихи. А я работаю акварелью... я художник-моменталист. Мы путешествуем вместе и оплачиваем свои путешествия дедушкиными выступлениями и продажей моих акварелей и моментальных портретов углем или пастелью.

Шеннон (про себя). У меня жар.

Ханна. Обычно во время завтрака и обеда я хожу между столиками отеля. Надеваю рабочую блузу художника, живописно измазанную красками, с широким байроновским воротником и изящно повязанным шелковым бантом. Я никогда не навязываюсь людям, просто показываю свои работы и мило улыбаюсь. И только если приглашают, присяду к столику и делаю моментальный набросок пастелью или углем. А если не приглашают, тоже мило улыбаюсь и иду дальше...

Шеннон. А дедушка что делает?

Ханна. Мы с ним вместе медленно проходим между столиков. Я представляю его как старейшего из всех живущих в мире и еще пишущих поэтов. Если просят, он читает свои

стихи. К несчастью, все его стихи написаны очень давно. Но, знаете, он начал писать снова. Впервые за двадцать лет взялся за новую поэму!

Шеннон. Но еще не кончил?

Ханна. Вдохновение еще посещает его, но способность сосредоточиться, конечно, несколько ослабела.

Мэксин. Как, например, сейчас.

Шеннон. Кажется, задремал. Дедушка! Что, если уложить его в постель?

Мэксин. Подождите. Я сейчас вызову такси, и их отвезут в город.

Ханна. Прошу вас, не надо. Мы обошли все городские гостиницы – нигде не пускают. Боюсь, что мне остается рассчитывать только на ваше... великодушие.

Очень заботливо Шеннон поднимает старика и ведет его в одну из комнат, выходящих на веранду. С пляжа слышатся возгласы купающихся. Солнце прячется за островком в море.

Быстро темнеет.

Мэксин. Пожалуй, придется вас оставить. Но только на одну ночь.

Ханна. Благодарю вас.

Мэксин. Старик будет в четвертом номере, вы займете третий. Где ваш багаж? Никакого багажа?!

Ханна. Я спрятала его под пальмами, внизу, где начинается тропинка.

Шеннон (кричит Панчо). Живо принеси вещи этой леди! Слышишь? Чемоданы... под пальмами. Скорее! Бегом!

Мексиканцы бегут вниз.

Дорогая Мэксин, а за меня вы согласны получить по чеку, датированному более поздним числом?

Мэксин (хитро). Да уж не завтрашним ли?

Шеннон. Спасибо! Щедрость всегда была основным свойством вашей натуры.

Мэксин. Ха! (Уходит.) Ханна. Я ужасно боюсь, не было ли у дедушки небольшого удара во время нашего перехода в горах. (Говорит с удивительным спокойствием.)

И сейчас же порыв ветра разносится по склону. Снизу снова слышатся крики купающихся.

Шеннон. У очень старых людей бывают такие небольшие «мозговые явления», как их называют врачи. Это не настоящий удар, а просто небольшие мозговые... явления. И их симптомы так быстро исчезают, что старики иногда даже и не замечают, что с ними было что-то не так.

Разговаривают, не глядя друг на друга. Появляются мексиканцы с древними чемоданами, сплошь заклеенными ярлычками отелей и всяческих бюро путешествий – знаками далеких странствий их владельцев.

Ставят чемоданы возле лестницы.

Сколько же раз вы объехали вокруг света?

Ханна. Почти столько же, сколько раз Земля обошла вокруг Солнца. Иногда мне кажется, что весь этот путь я про-

шла пешком.

Шеннон (поднимая ее чемодан). Какой номер у вашей комнаты?

Ханна (устало улыбаясь). По-моему, третий.

Шеннон. Кажется, тот самый, над которым крыша протекает. (Идет с чемоданами в третий номер.)

В дверях своего кабинета появляется Мэксин.

Но вы это узнаете, только когда пойдет дождь, а тогда будет уже поздно, и придется вплавь выбираться оттуда.

Ханна слабо улыбается, теперь стала заметна вся ее непомерная усталость.

(Выходит с ее вещами из третьего номера.) Так и есть, тот самый. Берите мой и...

Ханна. Нет, нет, мистер Шеннон. Если пойдет дождь, я найду себе сухое местечко.

Мэксин (из-за угла веранды). Шеннон!

Небольшая пантомима между Ханной и Шенноном. Он хочет внести вещи в комнату номер пять. Она хватается его за руку и указывает за угол веранды, давая понять, что не нужно вызывать недовольство владелицы отеля, Мэксин еще раз и уже громче зовет его. Шеннон уступает мольбам Ханны и вносит ее вещи в комнатенку с худой крышей.

Ханна. Большое вам спасибо, мистер Шеннон. (Исчезает за москитной сеткой.)

Шеннон направляется к своей комнате, и в эту минуту к углу веранды подходит Мэксин.

Мэксин (подражая голосу Ханны). «Большое вам спасибо, мистер Шеннон!»

Шеннон. Не будьте дрянью, Мэксин. Есть люди, которые искренне говорят «спасибо». (Проходит мимо нее и спускается по лесенке с веранды.) Пойду поплаваю.

Мэксин. В это время вода тепла как кровь.

Шеннон. А так как у меня сейчас жар, то мне и будет в самый раз. (Быстро спускается вниз по тропинке к пляжу.) Мэксин (следуя за ним). Подождите, я тоже...

Хочет сказать, что пошла бы с ним, но он пропустил ее слова мимо ушей и быстро исчезает в зарослях. Она сердито пожимает плечами и возвращается на веранду. Опершись обеими руками на парапет, смотрит на закатное солнце, словно это ее личный враг. Доносится долгий прохладный вздох океана.

Голос дедушки (словно вторя этому звуку).

Ветвь апельсина смотрит в небо Без грусти, горечи и гнева.

И так, спокойствие храня, Следит за угасаньем дня...

Внизу, в маленьком ресторанчике на пляже, звучит исполняемая маримба-джазом мелодия популярной в тысяча девятьсот сороковом году песенки «Слово женщины...». На сцене темнеет, затем медленно опускается занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Прошло несколько часов, скоро зайдет солнце, но сейчас его золотистый, с красноватым отблеском свет заполняет всю сцену. На густой листве тропических растений блестят капли дождя. Из-за угла веранды выходит Мэксин. Уступив правилам хорошего тона, она сменила к обеду короткие узкие брючки на белые полотняные, а синюю рабочую блузу – на красную. Расставляет складные столики для обеда, который будет подан на веранде. За этим делом и ведет разговор.

Мэксин. Мисс Джелкс?

Ханна (в дверях своей комнатки, приподымая москитную сетку). Да, миссис Фолк?

Мэксин. Могу я с вами поговорить, пока буду накрывать к обеду?

Ханна (выходит в своей блузе художника). Конечно. Я и сама хотела с вами поговорить.

Мэксин. Прекрасно.

Ханна. Я хотела спросить, есть ли у вас ванна, где мог бы помыться дедушка? Сама я предпочитаю душ, но дедушка там может упасть, и, хоть он и утверждает, что он – резиновый, перелом бедра в его возрасте – дело нешуточное. И поэтому я...

Мэксин. А я хотела поставить вас в известность, что звонила в «Каса де Хеспедес» насчет вас с дедушкой, могу

устроить.

Ханна. Так не хотелось бы нам опять трогаться с места.

Мэксин. «Коста Верде» – не для вас. Видите ли, мы обслуживаем людей, которые не доставляют особых хлопот, и, честно говоря, привыкли к клиентам помоложе.

Ханна (разбирая складной столик). Да-а... Ну что ж... А что это, «Каса де Хеспедес», – меблированные комнаты?

Мэксин. Это пансион. Там вас и кормить будут, и даже в кредит.

Ханна. Где он находится?

Мэксин. В центре города. Если дедушка заболит, там и врач под рукой. Ведь вам и об этом приходится думать.

Ханна (серьезно кивнув головой, больше про себя). Да, и об этом, но...

Мэксин. Что вы делаете?

Ханна. Хочу помочь.

Мэксин. Не надо! Я не принимаю помощи от своих постояльцев.

Ханна (продолжая накрывать на стол, в смущении). Все-таки позвольте мне, прошу вас. Вилка с одной стороны, а ложка... (Голос ее замирает.) Мэксин. Прежде всего салфетки подкладываются под тарелки, а то ветром сдует.

Ханна. Да, на веранде становится ветрено.

Мэксин. На побережье уже задувают штормовые ветры.

Ханна. Когда мы путешествовали по Востоку, нас, случилось, застигал в пути тайфун. Но иной раз даже радуешься

такому разгулу стихий – как-то легче на душе, верно? (Это тоже сказано больше про себя. Она уже расставила тарелки на бумажных салфетках.) Миссис Фолк, когда, по-вашему, нам нужно съехать?

Мэксин. Завтра мальчики отвезут вас в моем пикапе. Бесплатно.

Ханна. Вы очень добры. (Останавливая Мэксин, собирающуюся уйти.) Миссис Фолк!

Мэксин (неохотно поворачиваясь к ней). Да?

Ханна. Вы знаете толк в нефрите?

Мэксин. В нефрите?

Ханна. Да.

Мэксин. А что?

Ханна. У меня есть небольшая, но очень интересная коллекция. Я спросила, потому что самое главное в изделиях из нефрита – работа, резьба. (Снимает с себя нефритовое украшение.) Вот, например, резьба – настоящее чудо. Такая маленькая вещица, а вырезаны две фигурки: легендарный принц Ака и принцесса Анг... и летящая цапля над ними. Скорей всего, чудодей, гнувший спину над этой тончайшей резьбой, получил за работу жалкий куль рису, семью прокормить месяц, и то лишь впроголодь. Зато скупщик, завладевший этим сокровищем, сбыл его англичанке уж по меньшей мере фунтов за триста стерлингов. А та, когда это маленькое нефритовое чудо успело ей поднадоесть, подарила его мне – я нарисовала ее не такой, какой она стала теперь, а какой

она мне увиделась в лучшую пору ее жизни. Видите, какая резьба?

Мэксин. Вижу, милая. Но я не принимаю вещей в заклад, у меня гостиница.

Ханна. Знаю, но не примете ли ее в виде обеспечения, в счет хотя бы нескольких дней?

Мэксин. Вы совсем на мели?

Ханна. Да, совсем...

Мэксин. Вы как будто гордитесь этим.

Ханна. Я не горжусь, но и не стыжусь. Просто нам еще не случилось попадать в такой переплет.

Мэксин (нехотя). Пожалуй, вы говорите правду, но и я не лгу: после смерти мужа я в таких тисках – хоть топись, и, не будь жизнь все-таки милей денег, я, верно, бросилась бы за ним в океан.

Ханна. В океан?!

Мэксин (с философским спокойствием). Да. Я точно выполнила его волю. Мой муж, Фред Фолк, был первым мастером среди рыболовов-любителей на всем западном берегу Мексиканского залива. Он побивал все рекорды по отлову меч-рыбы, тарпана, королевской сельди, барракуды и, когда дни его уже были сочтены, просил на смертном одре, чтобы его бросили в море... да, прямо в бухте, чтобы его даже не зашивали в брезент, а бросили в рыбацком костюме. И вот старый рыбак пошел на корм рыбам – уж теперь рыбка сочтется со стариной Фредди. Что вы на это скажете?

Ханна (пристально поглядев на Мэксин). Не думаю, чтоб он об этом пожалел.

Мэксин. А я думаю... И меня бросает в дрожь. (Ее отвлекает семейка немцев.)

Те дружно шагают по тропинке под марш. Из зарослей появляется Шеннон. Он в купальном халате, липнущем к мокрому телу. Все внимание Мэксин сразу переключается на него одного – она то затихает, то словно бьет яростными вспышками, как провод под высоким напряжением. Ханна в этой сцене звучит как бы контрапунктом к Мэксин. На мгновение Ханна закрывает глаза, снова открывает, и в ее взгляде – весь ее стоицизм и все отчаяние борьбы за пристанище, в котором ей отказывают.

Шеннон (подходит к веранде, и теперь он – главный на сцене). Вон они, дорогая моя Мэксин, идут ваши покорители мира. И поют «Хорст Вессель». (Подымаясь на веранду, зло посмеивается.) Мэксин. Шеннон, прежде чем входить на веранду, вы бы хоть смыли с себя песок.

Появлению возвращающихся с пляжа немцев предшествует фашистский марш, который они горланят во всю глотку. Обнаженные бронзово-красные телеса, словно сошедшие с полотен Рубенса. Женщины слегка прикрыли себя мокрыми гирляндами зеленых водорослей. Молодой муж, оперный тенор, дует в большую раковину. В руках его тестя коротковолновый радиоприемничек, который все еще передает нарастающий гром битвы за Англию.

Хильда (скачет верхом на своей резиновой лошадке). Гоп, гоп, гоп.

Господин Фаренкопф (в экстазе). Лондон горит! Центр города в огне.

Вольфганг колесом вкатывается на веранду, проходит несколько шагов на руках и с громким возгласом падает. Мэксин вместе с немцами громко хохочет.

Пива! Пива! Пива!

Фрау Фаренкопф. Нет, сегодня – шампанского!

И, пока они обходят веранду, продолжается веселье, крики и скачка на лошадке. Шеннон входит на веранду, и Мэксин сразу умолкает. Но ей жаль, что нельзя посмеяться, и немного завидно.

Шеннон. Мэксин, дорогая, вы, кажется, превращаете свой отель в мексиканский Берхтесгаден?

Мэксин. Я ведь сказала, смойте песок.

Крики немцев, требующих пива, заставляют ее пройти за угол веранды.

Ханна. Мистер Шеннон, может быть, вы знаете пансион «Каса де Хеспедес»? Что он собой представляет?

Взгляд Шеннона почти безучастен.

Мы... мы подумываем о том, чтобы завтра перебраться туда. Можете нам его порекомендовать?

Шеннон. То же, что Черная яма в Калькутте.

Ханна (задумчиво кивая). Так я и думала. Мистер Шеннон, не заинтересуется ли случайно кто-нибудь в вашей

группе моими акварелями? Или портретами углем?

Шеннон. Не думаю! Боюсь, они недостаточно калорийны, чтобы мои девы решились на них раскошелиться. О тень Великого Цезаря! (Это вырвалось у него, когда он услышал, как его зовут пронзительным голосом.)

Словно юная Медея, врывается Шарлотта. Бежит к веранде. Шеннон мигом исчезает у себя в комнатке и так поспешно захлопывает за собой дверь, что прищемил кусок москитной сетки, тут же весело подхваченной ветром.

Шарлотта (вбегает на веранду). Ларри!

Ханна. Вы кого-нибудь ищите?

Шарлотта. Да, нашего гида, Ларри Шеннона.

Ханна. О, мистера Шеннона. По-моему, он пошел на пляж.

Шарлотта. Я только что видела, как он поднимался с пляжа в гору. (Она в напряжении и вся дрожит. Обшаривает взглядом веранду.) Ханна. Ах, вот как! Но все же...

Шарлотта. Ларри! (Ее вопли растревожили птиц, и они отвечают ей разноголосым гомоном.) Ханна. Передать ему что-нибудь?

Шарлотта. Нет. Я буду ждать, пока он не выйдет из своего убежища.

Ханна. Может быть, присядете? Я художница. Сейчас разбирала папку акварелей и рисунков, и посмотрите, что нашла. (Показывает Шарлотте рисунок.) Шеннон (из своей комнаты). О Боже!

Шарлотта (услышав голос Шеннона, устремляется к нему). Ларри, впустите меня! (Стучится в дверь.)

Из-за угла веранды появляется герр Фаренкопф с радиоприемником. Он почти обезумел от победных реляций.

Ханна. Гутен абенд!

Фаренкопф кивает головой и скалит в улыбке зубы. Подымает руку, призывая к молчанию. Ханна кивает в знак согласия, подходит к нему и показывает один за другим свои рисунки. Фаренкопф продолжает улыбаться. Ханна не понимает, то ли он улыбается, одобряя ее рисунки, то ли наслаждается передачей по радио. Он смотрит на рисунки и время от времени кивает. Вся эта пантомима проходит будто серия диапозитивов.

Шарлотта (со слезной мольбой). Ларри, откройте, впустите меня. Я знаю, вы здесь, Ларри!

Фаренкопф. Помолчите, пожалуйста, минутку. Сейчас будут передавать запись речи фюрера в рейхстаге, произнесенной (смотрит на часы) восемь часов назад и переданной в Мехико газетой «Дойче нахрихтен». Помолчите, пожалуйста. Битте...

Из радиоприемника – голос, смахивающий на лай бешеного пса. Шарлотта по-прежнему барабанит к Шеннону. Ханна жестом предлагает немцу пройти на заднюю веранду; Фаренкопф, отчаявшись услышать что-нибудь, встает. Свет, отражаясь, вспыхивает на стеклах его очков, – словно у него во лбу автомобильные фары. Он быстро кланяется и уходит

за веранду, проводя по пути разминку, как японский борец, выходящий на арену.

Ханна. Может быть, показать вам мои работы на той веранде? (Идет за ним, но рисунки выпали из папки и разлетаются. Она собирает их с грустным и озабоченным видом всеми забытого ребенка, одиноко рвущего цветы.)

Шеннон украдкой выглядывает из окна, но тут же скрывается, увидев Шарлотту; метнувшись к нему, она наступает на разбросанные рисунки, Ханна тихонько вскрикивает, но стон ее почти не слышен из-за гвалта, который поднимает Шарлотта.

Шарлотта. Ларри! Ларри! Меня ищет Джуди. Впустите, пока она меня не застукала здесь.

Шеннон. Вам нельзя сюда! Замолчите, тогда выйду.

Шарлотта. Ладно. Выходите.

Шеннон. Отойдите же от двери, дайте пройти.

Она чуть подвинулась; у Шеннона, выходящего из комнаты, вид приговоренного, идущего на казнь.

(Прислонился к стене, утирая платком пот с лица.) Откуда мисс Феллоуз прознала, что произошло сегодня ночью? Вы ей сказали?

Шарлотта. Я не говорила. Она сама догадалась.

Шеннон. Догадываться – еще не значит знать. Если она только догадывается, то еще ничего не знает. Если, конечно, вы не врете и действительно не проболтались.

Ханна собрала рисунки и тихонько отходит в самый даль-

ний угол веранды.

Шарлотта. Не надо так разговаривать со мной.

Шеннон. Пожалуйста, не усложняйте мне жизнь. Ради Бога, не усложняйте мою и без того трудную жизнь.

Шарлотта. Почему вы вдруг так изменились?

Шеннон. У меня малярия. Не усложняйте мне... малярию.

Шарлотта. Вы ведете себя так, словно ненавидите меня.

Шеннон. А вы – так, что меня вышибут с работы.

Шарлотта. Это Джуди, а не я.

Шеннон. Зачем вы запели «Я люблю вас всей душой», обращаясь ко мне?

Шарлотта. Потому что я правда люблю вас всей душой!

Шеннон. Дорогая детка, разве вы не понимаете, что самое погибельное для девушки в вашем... неустроенном положении – это запутаться в чувствах к человеку в моем неустроенном положении? А?

Шарлотта. Нет, нет, нет, я...

Шеннон (перебивая ее). А двое неустроенных таких дел натворят – весь мир охватит пожаром, да как рванет... и тогда уж дела не поправишь. И в отношениях между двумя людьми, так же как и...

Шарлотта. Я знаю только одно, Ларри: после того что было между нами в Мехико, вы должны на мне жениться.

Шеннон. Человек в моем положении не может жениться. Ничего хорошего из этого не получится, да и не положено

мне, нельзя! Хорошо еще, если хоть на службе-то удержишься. (То и дело сбрасывает ее руки со своих плеч.) Вы что, не видите, дорогая, у меня и без вас голова идет кругом!

Шарлотта. Я не верю, что вы меня не любите.

Шеннон. Дорогая, да кто же способен поверить, что его не любит тот, кого он сам любит... как ему кажется! Но это верно, дорогая: я никого не люблю. Таким уж я создан, и я тут ни при чем. В тот вечер я доставил всех вас в отель, пожелал вам в холле спокойной ночи и только поцеловал в щечку, как маленькую девочку, – вы и вправду маленькая. А вы, едва я открыл дверь, ворвались ко мне в номер, и никакими силами нельзя было вас выжить. А ведь я пытался – о Боже! – даже припугнуть вас, только бы вы ушли. Не помните?!

Вдали слышен голос мисс Феллоуз, зовущей Шарлотту.

Шарлотта. Да, помню. Как, натешившись мной, вы меня ударили, Ларри... по лицу. Закрутили мне руку, чтоб я стала на колени и вместе с вами помолилась о прощении.

Шеннон. Я всегда так делаю, когда истерзан и опустошен. Не могу же я подписать чек, если в банке моей души ничего нет на счету.

Шарлотта. Ларри, позвольте мне помочь вам.

Голос мисс Феллоуз (приближаясь). Шарлотта! Шарлотта! Шарли!

Шарлотта. Помогите мне, а я помогу вам.

Шеннон. Беспомощный беспомощному – не помощник.

Шарлотта. Впустите меня! Джуди идет!

Шеннон. Отвяжитесь же! И – пошли вы!.. (С силой отталкивает ее и скрывается у себя в комнате, хлопнув дверью и закрыв на задвижку. Прихваченный дверью кончик сетки бьется на ветру.)

Едва на веранде показывается мисс Феллоуз, Шарлотта скрывается в соседней комнате. Ханна, наблюдавшая всю эту сцену, идет к середине веранды, где встречается с мисс Феллоуз.

Мисс Феллоуз. Шеннон! Шеннон! Где вы?

Ханна. Мистер Шеннон, кажется, пошел на пляж.

Мисс Феллоуз. И Шарлотта Гуделл с ним? Молоденькая такая блондинка из нашей группы?

Ханна. Нет, с ним никого не было, он пошел один.

Мисс Феллоуз. Я слышала, хлопнула дверь.

Ханна. Это моя.

Мисс Феллоуз (указывая на дверь с прихваченным кончиком москитной сетки). Это ваша комната?

Ханна. Да, моя. Я вышла полюбоваться закатом.

Мисс Феллоуз (слышит плач Шарлотты в комнате Ханны. Распахивает дверь). Шарлотта! Выходи, Шарли! (Хватает Шарлотту за руку.) Чего стоит твое слово? Ничего?! Ты же обещала мне держаться от него подальше.

Горько плача, Шарлотта отбивается от мисс Феллоуз, но та опять хватает ее за руку, на этот раз крепче, и тащит ее из комнаты.

Я говорила по междугородному телефону с твоим отцом

насчет этого человека, и он добивается постановления о его аресте, – пусть только посмеет сунуться в Штаты.

Шарлотта. Мне все равно!

Мисс Феллоуз. А мне – нет! Я отвечаю за тебя.

Шарлотта. Я не хочу обратно в Техас!

Мисс Феллоуз. Нет, хочешь! И вернешься. (Крепко ухватив за руку, уводит ее с веранды.)

Ханна выходит из комнаты, куда вошла после того, как мисс Феллоуз выволокла оттуда Шарлотту.

Шеннон (из своей комнаты). О Боже!..

Ханна (подходит к его двери, стучит). Мистер Шеннон, путь свободен!

Шеннон не отвечает и не появляется.

(Кладет папку, берет дедушкин белый полотняный костюм, который успела выгладить и повесить на веранде, подходит к комнате деда и кричит.) Дедушка! Пора обедать! Через несколько минут ты сможешь увидеть очень красивый закат, предвещающий бурю.

Голос дедушки. Грядет-у!

Ханна. И Рождество грядет, да лишь один раз в год.

Голос дедушки. Уж скорее – День независимости.

Ханна. День независимости уже прошел. Теперь грядет День всех святых, а за ним – День благодарения. Но ты, я надеюсь, грядешь раньше. (Приподымая москитную сетку в его двери.) Вот твой костюм. Я выгладила. (Входит к нему.) Дедушка. Здесь ужасно темно, Ханна.

Ханна. Сейчас включу свет.

Шеннон выходит из своей комнаты: у него вид человека, потерпевшего крах. В руках предметы облачения священнослужителя. Черный шелковый священнический нагрудник свободно висит на его тяжело дышащей потной груди. Поверх он вешает массивный золотой крест с аметистом и пытается застегнуть круглый накрахмаленный воротничок. Из комнаты деда, заканчивая свой «артистический» туалет, выходит Ханна, повязывая на ходу шелковый бант. Занятые каждый своим делом, они напоминают двух бродячих актеров, серьезно готовящихся к предстоящему им сейчас выступлению на площади, которое может стать для них последним.

(Взглянув на Шеннона.) Собираетесь отправлять церковную службу, мистер Шеннон?

Шеннон. Черт бы побрал! (Указывая на воротничок.) Помогите, пожалуйста.

Ханна (подойдя к нему). А если не собираетесь, зачем вам это тяжелое обмундирование?

Шеннон. На меня возводят обвинение, будто я лишенный сана самозванец, – вот зачем. Пусть эти леди знают – я еще ношу рясу и облечен саном...

Ханна. А разве этого прекрасного золотого креста недостаточно, чтобы убедить ваших леди?

Шеннон. Нет. Они знают, что я его выкупил из заклада в Мехико, и подозревают, что он вообще оттуда.

Ханна. Постоите минутку спокойно. (Пытается застегнуть сзади воротничок.) Готово. Петелька пообтрепалась, боюсь, не удержит запонку. (Опасения оправдались – запонка падает на пол.) Шеннон. Куда она делась?

Ханна. Вот она. (Поднимает запонку.)

Шеннон срывает воротничок, комкает и бросает с веранды. Задыхаясь валится в гамак.

(Спокойно вынимает блокнот и начинает его рисовать. Сначала он не замечает.) Вы давно не служите в церкви, мистер Шеннон?

Шеннон. А какое это имеет отношение к цене риса в Китае?

Ханна (мягко). Никакого.

Шеннон. А к цене кофе в Бразилии?

Ханна. Снимаю свой вопрос. И прошу прощения.

Шеннон. Если ответить по-человечески, так я и прослужил-то всего год после посвящения в сан.

Ханна (подвигаясь ближе, чтобы лучше видеть его, и быстро рисуя). И в тот же год получили отпуск, полагающийся после семи лет службы?

Шеннон. Да... отпуск у меня получился порядочный.

Слышится голос дедушки, повторяющего одну и ту же стихотворную строку.

Что это – дедушка сам с собою разговаривает?

Ханна. Нет, он сочиняет. Ему приходится полагаться на память, он плохо видит, писать и читать ему уже трудно.

Шеннон. Кажется, застрял на одной строке.

Ханна. Да. Боюсь, теперь и память ему изменяет. А это для него самое страшное. (Говорит почти равнодушно, словно все это не имеет для нее значения.) Шеннон. Вы меня рисуете?

Ханна. Пытаюсь. Вы трудная модель. Когда мексиканский художник Сикейрос писал портрет американского поэта Харта Крейна, ему пришлось написать его с закрытыми глазами, – в них было столько муки, что художнику было больно писать их открытыми.

Шеннон. Простите, но я не буду ради вас закрывать глаза. Я сам себя гипнотизирую... во всяком случае, пытаюсь загипнотизировать, всматриваясь в блики на листве апельсиновых деревьев.

Ханна. Ничего. Ваши глаза можно рисовать и открытыми.

Шеннон. В течение года у меня был свой приход, а потом... Сана меня не лишили, но в церковь и на порог не пускали.

Ханна. О! Почему же?

Шеннон. За соvrащение и ересь... в одну и ту же неделю.

Ханна (быстро рисуя). И при каких обстоятельствах... случилось первое из грехопадений?

Шеннон. Да, соvrащение предшествовало ереси... на несколько дней. Молоденькая учительница воскресной школы напросилась принять ее неофициально. Она была довольно хорошенькая, а жилось ей невесело. Единственная дочь,

но родители – и отец и мать – по характеру напоминали старых дев, отец только что не ходил в юбке. (Расхаживает по веранде, приходя все в большее возбуждение, все злее издеваясь над своими грехами.) И вот она делает безумное признание.

Ханна. В любви?

Шеннон. Не издевайтесь, дорогая.

Ханна. Что вы! И не думала.

Шеннон. Естественное или, наоборот, противоестественное влечение помешанной... к помешанному – вот что это было. А я в то время был самым жалким ханжой. Я и говорю: «Преклоним, дочь моя, колена и помолимся вместе». Так и сделали: опустились на колени... да вдруг упали на ковер и... Когда мы встали, я ее ударил. Да, по лицу. И обозвал потаскушкой. Она убежала. А на следующий день новость: порезала себя отцовской бритвой. «Старая дева» – папочка сохранял еще обыкновение бриться.

Ханна. И насмерть?!

Шеннон. Да нет, чуть-чуть поцарапалась – кровь еле показалась. А все-таки скандал.

Ханна. Да, могу себе представить, что это... вызвало пересуды.

Шеннон. Вот именно, вот именно. (На минуту останавливается, воспоминания устрашают его.) И вот в воскресенье всхожу я на кафедру, и, как увидел эти самодовольные, тупые осуждающие рожи, захотелось вдруг разбудить, ошара-

шить этих тупиц... и я их ошарашил. У меня была наготове проповедь, смиренная, покаянная. Я ее бросил, засунул куда-то в алтарь. «Так знайте же, – сказал, нет, вскричал я, – мне уже осточертело произносить проповеди во славу какого-то дряхлого мошенника». Так и сказал, так и прокричал. «Вся ваша теология, все заповеди, все мифы основаны на представлении о Боге как о старом мошеннике. И по совести, я не хочу и не могу продолжать отправлять службы во славу этого... этого...»

Ханна (спокойно)... старого мошенника?

Шеннон. Да, злого, скорого на гнев старика. Ведь его же всегда расписывают таким впадшим в детство, слабосильным, сварливым старикашкой, вроде тех, что живут в богадельне и потеют над головоломками, а если не получается, со злости опрокидывают столик. Да, да, говорю вам, теология именно... это и утверждает, обвиняя Бога в том, что он жестокий старый злодей да еще осуждает весь мир и безжалостно карает тех, кого сам же создал, карает их за собственные ошибки, допущенные при их сотворении. Ну и тут, конечно... ха-ха, ха... разразилась настоящая буря...

Ханна. Уже вне церкви?

Шеннон. Да, мои прихожане так разбушевались, что забыли про меня. Вскочили со скамей и ринулись к своим черным, как тараканы, автомобильчикам... ха-ха-ха... а я, черт возьми, вопил им вслед... Гнался за ними бегом и все кричал... (Остановился перевести дух.) Ханна. И все выкати-

лись?

Шеннон. А я ору им вслед: «Бегите домой, закройте все окна и двери, чтобы не слышать истинной правды о своем Боге!»

Ханна. Им, беднягам, конечно, ничего другого и не оставалось.

Шеннон. Дорогая мисс Джелкс, Плезант-Вэлли в Виргинии – это фешенебельное предместье большого города, и все эти бедняги были весьма состоятельны.

Ханна (слегка улыбаясь). И какова же была... м-м... развязка?

Шеннон. Развязка? Ну что ж, сана меня не лишили. Просто больше не допускали в церковь в Плезант-Вэлли и, кстати, запрятали меня в сумасшедший дом... с диагнозом: тяжелое нервное расстройство. Это их больше устраивало. Вот я и пошел по этой дорожке... вожу экскурсии по Божьему свету. И заметьте, гид – духовное лицо с крестом и крахмальным воротничком, подтверждающими его сан. Вещественные доказательства!

Ханна. Чего, мистер Шеннон?

Шеннон (с некоторой робостью). Того, что лично я представляю себе Бога не как старого мошенника, а как... (Умолкает.) Ханна. Вы недоговариваете...

Шеннон. Нынче ночью разыграется буря, страшный электрический ураган. И тогда вы поймете, как представляет себе преподобный Лоренс Шеннон Бога всемогущего, который

время от времени посещает сотворенный им мир... Я хочу вернуться в церковь и проповедовать, что Бог – это... гром и молния... и... и... (Протягивает руку в сторону океана.) Вот он! Вот это он! (Показывает на величественный, почти апокалипсический золотой закат.) Вот в этом его величие, дарующее забвение! И я стою пред ним на ветхой веранде этой убогой гостиницы, да еще не в сезон, предстаю пред ним в этой нищей развращенной стране, захваченной жадными до золота конкистадорами, которые вместе с распятием принесли с собой еще и стяги инквизиции. Да, и...

Пауза.

Ханна. Мистер Шеннон!

Шеннон. Да?

Ханна (слегка улыбаясь). У меня такое чувство, что вы со всеми вашими прозрениями еще вернетесь в лоно церкви. И если тогда выдастся еще одно недоброе воскресное утро, окинете взглядом своих прихожан, их тупые, самодовольные физиономии и отыщете среди них несколько старых, совсем старых лиц, в глазах которых вы прочтете страстную мольбу о помощи, о вере и надежде... И тогда, мне кажется, вы не станете кричать, как в Плезант-Вэлли. Вы отложите припасенную вами жестокую проповедь, запрячете ее где-нибудь в алтаре и заговорите, о... нет, может быть, совсем не станете проповедовать, а только...

Шеннон. Что?

Ханна. Просто подбодрите их, потому что вы, мистер

Шеннон, знаете, как порой необходимо людям слово утешения.

Шеннон (после минутной паузы). Дайте взглянуть. (Забирает у нее рисунок, который явно производит на него большое впечатление.)

Ханна смущена. Пауза.

Ханна. Где, вы сказали, разместила хозяйка вашу группу?

Шеннон. Она велела мексиканцам отнести их багаж во флигель.

Ханна. А где этот флигель?

Шеннон. Да здесь же, под горой. Но все мои леди, кроме молоденькой Медеи и другой Медеи, постарше, отправились на лодке со стеклянным днищем обозреть чудеса подводного мира.

Ханна. Ну что ж, когда вернутся, они смогут обозреть и мои акварели с помеченными на них ценами.

Шеннон. Да, вы энергичное создание, честное слово! Фантастически хитрая пролаза.

Ханна. Да, вроде вас, мистер Шеннон. (Мягко отбирает у него блокнот.) Мистер Шеннон, если дедушка выйдет до моего возвращения из своей каморки под номером четыре, будьте добры, присмотрите за ним. Я постараюсь не задерживаться. (Хватает папку и быстро уходит.) Шеннон. Фантастика! Абсолютная фантастика!

Порыв ветра в пальмовых зарослях, и последние блики заходящего солнца рассыпаются по веранде золотыми моне-

тами. Снизу слышатся крики. Появляются мексиканцы, еле удерживая в руках только что пойманную и завернутую в рубашку игуану. Она бьется изо всех сил, стараясь вырваться. Мексиканцы останавливаются перед кактусами, возле веранды, привязывают игуану к стойке.

Шум привлекает внимание Мэксин, она выходит на веранду.

Педро. *Tenemos fiesta.*⁶ Панчо. *Comeremos bien.*⁷ Педро. *Damela, damela! Yo la atare.*⁸ Панчо. *Yo la cogi – yo la atare!*⁹ Педро. *Lo que vas a hacer es dejarla escapar!*¹⁰ Мэксин. *Ammarla fuerte! Ole, ole! No la dejes escapar. Dejala moverse!*¹¹ (Шеннону.) Они поймали игуану.

Шеннон. Я и сам вижу, Мэксин.

Мэксин подносит ром-коко к самому лицу Шеннона.

Привлеченные шумом и криками мексиканцев, на веранде появляются немцы.

Фрау Фаренкопф (подбегает к Мэксин). В чем дело? Что случилось? Змея? Поймали змею?

Мэксин. Нет. Ящерицу.

⁶ Сегодня у нас будет пир (исп.)

⁷ Поедим как следует (исп.)

⁸ Давай ее сюда! Я ее привяжу (исп.)

⁹ Я поймал, я и привяжу! (исп.)

¹⁰ Да ты еепустишь (исп.)

¹¹ Привязывайте крепче! Скорей, скорей! Смотри не упусти. И чтобы двигаться могла! (исп.)

Фрау Фаренкопф (наигрывая отвращение.). У-у-у-у... ящерица! (Изображает такой ужас, словно перед ней сам Джек-потрошитель.) Шеннон (Мэксин). Любите игуанье мясо?

Фрау Фаренкопф. Вы будете ее есть? Есть? Эту большую ящерицу?

Мэксин. А они очень вкусные. Напоминают куриное белое мясо.

Фрау Фаренкопф бежит к своим, все они возбужденно обсуждают по-немецки историю с игуаной.

Шеннон. Если вы имеете в виду мексиканских кур, то это не слишком аппетитно. Мексиканские куры питаются падалью, от них и пахнет падалью.

Мэксин. Нет, я имею в виду тexasских курочек.

Шеннон (мечтательно). Техасских... (Беспокойно ходит взад и вперед по веранде.)

Внимание Мэксин раздваивается: то она не может оторвать глаз от Шеннона, его высокой, стройной фигуры, ни на минуту не остающейся в покое, то вдруг ее привлекают извивающиеся в борьбе с игуаной тела мексиканцев, лежащих на животе под верандой. Она в раздумье, словно старается разобраться, кто из них сильнее влечет ее простое и чувственное естество.

(Оборачивается и видит ее глаза, устремленные на него.) Эта игуана – самец или самка?

Мэксин. Ха! А кому интересно, какого она пола?..

Шеннон проходит мимо, почти касаясь ее.

Разве что другой игуане?

Шеннон. А вы никогда не слышали стишка про игуану?
(Отбирает у нее ром-коко и, кажется, вот-вот выпьет, но лишь с гримасой понюхал.)

Мэксин посмеивается.

Жил гаучо юный по имени Бруно.

Слово «любовь» понимал он вот так:

«Женщины – прелесть, овечки – смак, Но игуана – пумего
упо».¹²

На последних словах выплескивает ром-коко прямо на
спину Педро, который с криком вскакивает с земли.

Педро. *Hijo de la...*¹³ Шеннон. *Que? Que?*¹⁴ Мэксин. *Vete!*
¹⁵

Шеннон хохочет. Игуана удирает, мексиканцы с криками
бегут за ней.

Она уже почти скрылась в зарослях, но один из них на-
стигает ее и ловит.

Панчо. *La iguana se escapo.*¹⁶ Мэксин. *Cogela, cogela! La
cogiste? Si no la coges, te mordera el culo. La cogiste?*¹⁷ Панчо.

¹² здесь – первый класс (исп.)

¹³ Сукин... (исп.)

¹⁴ Что? Что? (исп.)

¹⁵ Перестаньте! (исп.)

¹⁶ Игуана убежала (исп.)

¹⁷ Ловите, ловите ее! Поймал? Если не поймал, она тебя цапает. Поймал?

La cogi! ¹⁸

Мексиканцы с игуаной снова скрываются под верандой.

Мэксин (оборачиваясь, Шеннону). Мне показалось, ваше преподобие, или вы и вправду чуть не свернули с пути истинного и готовы выпить?

Шеннон. Один запах спиртного уже вызывает у меня тошноту.

Мэксин. А примете внутрь, не почувствуете запаха. (Прикасается к его вспотевшему лбу.)

Шеннон смахивает ее руку, как докучливого комара.

Ха! (Направляется к столику с напитками.) Шеннон (смотрит на нее с недоброй усмешкой). Дорогая моя Мэксин, того, кто сказал, что вам идут штаны, плотно облегающие зад, нельзя назвать вашим искренним другом... (Отворачивается от нее.)

В комнате дедушки шум падающего тела и хриплый, испуганный крик.

Мэксин. Я знала, знала, что так будет! Старик грохнулся.

Шеннон бежит в комнату дедушки, за ним Мэксин.

Пока ловили сбежавшую игуану, постепенно стемнело. Здесь, по сути, конец картины. Однако переход к следующей не надо обозначать ни затемнением, ни занавесом. В полутьме появляется герр Фаренкопф, включает свет на веранде.

Матовый свет большого шара, висящего посреди веранды,

(исп.)

¹⁸ Поймал! (исп.)

придает эпизодам, которые разыгрываются в этой части сцены, нечто нереальное. О большой жемчужно-матовый шар бьются ночные бабочки, гигантские мотыльки с тонкими, как паутинки, крылышками. И свет от прилипших к шару крылышек стал опаловым и чуть сказочным. Шеннон выводит старого поэта на веранду. Вид у старика безупречен – белоснежный костюм, черный шнурок галстука. Когда он проходит под матовым шаром, его львиная грива отликает серебром.

Дедушка. Кости целы. Я ведь резиновый.

Шеннон. Путешественнику случается и падать во время его странствий.

Дедушка. Ханна! (Его зрение и слух так ослабели, что он принимает Шеннона за Ханну.) Я совершенно уверен, что здесь закончу поэму.

Шеннон (очень громко и ласково). И у меня такое же чувство, дедушка.

Мэксин выходит вслед за ними из комнаты деда.

Дедушка. Никогда еще ни в чем не был так уверен.

Шеннон (ласково, с легкой усмешкой). И я тоже.

Фаренкопф (все это время, прижав к уху радиоприемничек, с восторгом слушает какую-то тихую передачу. Выключает приемник и, очень возбужденный, обращается ко всем). От центра Лондона до берега Ла-Манша – все в огне! Геринг, сам фельдмаршал Геринг, называет это «новой фазой нашей победы»! Бомбы! Зажигательные бомбы! Супер-бом-

бы! Каждую ночь!

Дедушка (до него доходит только повышенный тон этой тирады, которую он воспринимает как просьбу прочесть стихи. Стучит по полу своей тростью, откидывает голову и начинает читать стихи в приподнятом декламационном стиле).

Буйной и быстрой быть юности надо, Ночь напролет танцевать до упаду, И, ослепленный...

(Запинается, на лице испуг и смущение.)

Все это очень веселит немцев.

Вольфганг (подходит к деду и кричит ему прямо в ухо). Сэр! Ваш возраст? Сколько вам лет?

Ханна (появляется на веранде. Подбегает к дедушке и отвечает за него). Девяносто семь.

Фаренкопф. Сколько?

Ханна. Девяносто семь. Без малого сто лет.

Фаренкопф по-немецки повторяет это сообщение своей сияющей жене и дочери.

Дедушка (перебивая их).

...ликующий взгляд Не устремлять ни вперед, ни назад; Слабировать шутки...

(Снова запнулся.) Ханна (подсказывая, крепко держит деду под руку).

...вином искрометным, (вместе с дедушкой) Не сожалеть о дне мимолетном, Не замечая, как близок закат.

Юный всегда слепоте своей рад.

Немцы шумно развеселились. Вольфганг аплодирует по-

эту прямо в лицо. Дедушка хотел раскланяться, но он слаб и, наклонясь вперед, не очень уверенно опирается на трость. Шеннон крепко берет его под руку.

Ханна (показывает Вольфгангу рисунки). Если я правильно поняла, вы проводите здесь свой медовый месяц?

Он не отвечает ей; фрау Фаренкопф хохочет и как заведенная кивает головой.

(Повторяет по-немецки.) Habe ich recht, dass Sie auf Ihrer Hochzeitsreise sind? Was für eine hübsche junge Braut! Ich mache Pastell-Skizzen... darf ich, würden Sie mir erlauben?.. Würden Sie, bitte... bitte...¹⁹

Фаренкопф запеваёт нацистскую песню и ведёт свою семью к столику с ведерком шампанского, Шеннон усаживает дедушку за другой столик.

Дедушка (очень веселый). Ханна! Какой у нас сегодня улов?

Ханна (смущенно). Дедушка, сядь и не кричи, пожалуйста.

Дедушка. А? Что они положили тебе в ручку, Ханна, серебро или бумажки?

Ханна (почти в отчаянии). Дедушка, не кричи! Садись за стол. Пора ужинать.

Шеннон. Подкрепиться пора, дедушка!

Дедушка (несколько озадаченно, не понимает). Но сколь-

¹⁹ У вас медовый месяц? Как прелестна новобрачная! Я рисую пастелью... не могла бы я?... Вы мне позволите?... Прошу вас... (нем.)

ко все-таки тебе выдали?

Ханна. Дедушка, прошу тебя!

Дедушка. Но они купили... удалось продать акварель?

Ханна. Ничего я им не продавала, дедушка.

Мэксин. Ха!

Ханна (оборачивается к Шеннону. Ее обычное спокойствие изменяет ей). Не садится и не унимается.

Дедушка (подмигивая и улыбаясь, с видом опытной кокетки). Ха! Здорово мы их выпотрошили, Ханна?

Шеннон. Сядьте, мисс Джелкс. (Он говорит, мягко, но настойчиво.)

Она сразу повинуется.

(Берет руку дедушки и вкладывает в нее смятый мексиканский банкнот. Громко.) Сэр! Сэр! Тут пять... долларов. Я кладу их вам в карман.

Ханна. Мы не принимаем милостыни, мистер Шеннон...

Шеннон. Да что вы, я дал ему пять песо.

Дедушка. Неплохо за одно стихотворение!

Шеннон. Сэр! Сэр! Достоинства ваших стихов несоизмеримы с жалким денежным вознаграждением.

Как-то по-особому, чуть шутливо нежен со стариком – все старое, умирающее так трогает нас, так ранит наши чувства, что рождается потребность в нежности, которую уже ничто не может сдержать. Это относится не только к Шеннону, но и к Ханне. И в отношении друг к другу они тоже перешли границы обычной сдержанности.

Дедушка. А? Да... (Он вконец измучен, но у него еще хватает сил кричать.) Мы тут можем сорвать большой куш, а?

Шеннон. Можете быть совершенно уверены!

Мэксин. Ха!

Шеннон метнул на нее свирепый взгляд. Мэксин с любезной улыбкой отходит к немцам.

Дедушка (задыхаясь и слегка пошатываясь, виснет на руке Шеннона, думая, что это Ханна). А что... в ресторане... очень много народу? (Оглядывается, ничего не видя.) Шеннон. Да, яблоку упасть негде. И еще за дверью стоит толпа.

Но старик не слышит.

Дедушка. Ханна, если здесь есть бар, где пьют коктейли, нам надо бы сначала там поработать. Куй железо, пока горячо... хо-хо... пока горячо...

Это уже смахивает на бред. И только такая сильная женщина, как Ханна, может сохранять выдержку.

Ханна. Он принимает вас за меня, мистер Шеннон. Помогите ему сесть и, пожалуйста, побудьте с ним минутку...

Отходит от стола и делает несколько глубоких вдохов и выдохов, словно ее только что вытащили из воды. Шеннон усаживает старика в кресло, и тут дедушку сразу покидает лихорадочная живость, он откидывается на спинку и дремлет.

Шеннон (приближаясь к Ханне). Что это вы так глубоко дышите?

Ханна. Одним в такую минуту нужно выпить, другие гло-

тают пилюли. А я делаю несколько глубоких вдохов.

Шеннон. Вы принимаете все слишком близко к сердцу. А ведь это естественно в его возрасте.

Ханна. Да, да, знаю. Но за эти два-три месяца у него уже не раз бывали подобные «небольшие мозговые явления», как вы их называете. А совсем еще недавно он был таким молодцом. Приходилось показывать паспорт, чтобы подтвердить, что он действительно старейший из ныне живущих поэтов. Мы кое-что зарабатывали и сводили концы с концами. Увидев, как он слабеет, я стала уговаривать его вернуться в Нантакет. Но маршрут всегда определял он, и тут он уперся, и ни в какую: «Нет, в Мексику!»... И вот мы здесь, на этой ветреной вершине, словно два пугала для птиц. Автобус, на котором мы ехали из Мехико, сломался на высоте пятнадцати тысяч футов над уровнем моря. Тут у него как раз и случилось это расстройство... Меня не так убивает потеря слуха и зрения, как эта... затуманенность сознания, – она меня просто убивает. Ведь до самого последнего времени у него была удивительно ясная голова. А вчера? Я истратила почти все, что у нас оставалось, на это кресло на колесах, чтобы привезти его сюда. Он настаивал, чтобы мы двигались дальше, пока не дойдем до моря... до «колыбели жизни», как он его называет... (Замечает, что тело дедушки безжизненно обмякло. Делает глубокий вдох и спокойно подходит к нему.) Шеннон (мексиканиам). *Servicio! Aqui!*²⁰

²⁰ Подавайте! Быстрее! (исп.)

Властный тон оказывает свое действие – мексиканцы уже подают рыбу.

Ханна. Какой вы добрый человек, мистер Шеннон. Не знаю, как вас благодарить. Сейчас разбудю его. Дедушка! (Тихонько хлопает в ладоши у самого уха деда.)

Старик просыпается и смущенно посмеивается.

Дедушка, смотри, полотняные салфетки. (Вынимает из кармана салфетку. Шеннону.) Я всегда ее ношу с собой на случай, если подадут бумажные.

Дедушка. Здесь просто изумительно... Ханна, надеюсь, что здесь можно заказывать «а-ля карт». Я бы заказал что-нибудь очень легкое, чтобы не клонило ко сну. Я хочу еще поработать после ужина... Собираюсь закончить здесь свою поэму.

Ханна. Дедушка! Мы обрели друга. Познакомься, дедушка, – его преподобие мистер Шеннон.

Дедушка (стараясь окончательно стряхнуть дремоту). Его преподобие?

Ханна (громко). Мистер Шеннон – епископальный священник, дедушка.

Дедушка. Служитель Бога?

Ханна. Служитель Бога, в отпуске.

Дедушка. Ханна, скажи ему, что я уже слишком стар для крестин, но еще слишком молод, чтобы меня отпевать. Вот если бы подвернулась богатая вдовушка, – на это я еще горазд, и тут мне больше сорока не дашь, – тогда без священ-

ника не обойдешься...

Он в восторге от своих шуточек. Отчетливо представляется, как он перекидывается такими безобидными остротами с бездельниками, возлежащими в шезлонгах всех отелей, где он бывал еще на рубеже двух столетий, или с профессорскими женами в маленьких колледжах Новой Англии. Сейчас все это выглядит немного смешно и трогательно – и его желание понравиться, и его игривость, и эти шуточки. Но Шеннон поддерживает этот тон, старик отвлекает его от мыслей о себе. «Скерцо» этой сцены идет под аккомпанемент ветра, дующего с моря все сильнее и сильнее и волнующего листву тропических растений на горе. В небе все чаще сверкает молния.

А ведь если верить дамам, лишь немногим из них переваливает за сорок. Хо-хо-хо... Ханна, попроси его... благословить нашу трапезу. Мексиканская пища, безусловно, нуждается в благословении.

Шеннон. Не прочтете ли молитву вы, сэр? Я присоединюсь. (У него развязался шнурок на башмаке.) Дедушка. Скажи, что я окажу ему эту услугу лишь при одном условии.

Шеннон. При каком, сэр?

Дедушка. Когда я после ужина удалюсь к себе, вы составите компанию моей дочери. Я ложусь спать с курами, а встаю с петухами, хо-хо-хо! Значит, вы – священнослужитель? Женаты или холосты?

Шеннон. Холост, сэр. Ни одна нормальная цивилизован-

ная женщина не пошла бы за меня, мистер Коффин.

Дедушка. Что он говорит, Ханна?

Ханна (в смущении). Дедушка, прочти молитву.

Дедушка (не слыша ее слов). Я называю ее дочерью, а на самом деле она дочь моей дочери. Мы заботимся друг о друге с тех пор, как она сразу потеряла и отца и мать, – это была первая автомобильная катастрофа на острове Нантакет.

Ханна. Читай молитву, дедушка.

Дедушка. Она у меня не модная вертушка: не гонится за модой и не вертится. Ханна так воспитана, что была бы замечательной женой и матерью, но... я старый эгоист и не отпускаю ее от себя.

Ханна (кричит ему прямо в ухо). Дедушка, дедушка, молитву!

Дедушка (с усилием подымаясь). Да, молитву... «Благослови, господи, трапезу нашу и нас самих, во славу твою! Аминь!» (Падает в кресло.) Шеннон. Аминь.

Сознание дедушки затуманивается, голова клонится вниз, он что-то шепчет про себя.

А стихи у него стоящие?

Ханна. Дедушка пользовался довольно широкой известностью перед первой мировой войной и еще некоторое время после войны, хотя первоклассным поэтом его не считали.

Шеннон. Широкой известностью в узком кругу – так, что ли?

Ханна. Пусть так, зато вдохновение его никогда не было

«узким». Я горжусь, что я его внучка. (Вынимает из кармана пачку сигарет, но только заглянула в нее и снова прячет в карман.) Дедушка (бессвязно). Ханна, сегодня... слишком жаркое утро для... для такой горячей каши. (Уныло посмеиваясь, качает головой.) Ханна (с быстрой, испуганной улыбкой, смущенно). Видите, еще не пришел в себя, – ему кажется, что сейчас утро.

Шеннон. Фантастика, фантастика!

Ханна. Кажется, «фантастика» – ваше любимое слово, мистер Шеннон?

Шеннон (мрачно поглядывая вниз с веранды). Да, верно. Вы же понимаете, мисс Джелкс, живешь двойной жизнью – реальной и выдуманной, фантастической. Кто знает, какая из них настоящая?

Ханна. По-моему, обе, мистер Шеннон.

Шеннон. Но если живешь своими фантазиями, как было со мной в последнее время, а дело делать надо в реальности, плохо приходится – преследуют призраки. (Это сказано как что-то уже глубоко личное.) Мне казалось, здесь я одолею их, но положение изменилось. Я не знал, что хозяйка овдовела, превратилась в веселую вдовушку... (Посмеивается почти как дедушка.) Мэксин (весело напевая что-то про себя, подкатывает маленький столик с ведерком льда, кокосами и целым набором бутылок). Кому коктейль?

Ханна. Спасибо, миссис Фолк, нам не надо.

Шеннон. Дорогая Мэксин, никто не пьет коктейли между

рыбой и жарким.

Мэксин. А дедушке неплохо бы выпить, чтобы проснуться. Старикам вино полезно, оно их подбадривает. (Кричит в ухо деду.) Дедушка, пуншу? (Почти касается Шеннона бедром.) Шеннон. Мэксин, у вас зад, – извините, мисс Джелкс, – у вас, Мэксин, ляжки слишком объемисты для этой веранды.

Мэксин. Ха! А мексиканцам нравятся, если судить по тому, как они меня щиплют в автобусах. Да и немцам тоже. Каждый раз, когда я прохожу около господина Фаренкопфа, он ухитряется меня ущипнуть.

Шеннон. Ну что ж, пройдитесь еще разок, может, ущипнет.

Мэксин. Ха! Смешаю дедушке коктейль, чтобы он дотянул до конца обеда.

Шеннон. Идите, идите к своим нацистам. Я сам смешаю. (Подходит к столику с напитками.) Мэксин (Ханне). А вам, дорогая? Содовой с лимонным соком?

Ханна. Спасибо, ничего не хочется.

Шеннон. Мэксин, не заставляйте нервных людей еще больше нервничать.

Мэксин. Дайте лучше я смешаю пунш для дедушки. А то вы черт знает что делаете, Шеннон.

Яростным толчком Шеннон запускает винный столик, словно таран, прямо в живот Мэксин. Бутылки летят на пол. Мэксин с такой же силой запускает столик в Шеннона.

Ханна. Миссис Фолк, мистер Шеннон! Что за ребячество!

Ради Бога, перестаньте!

Привлеченные шумом, подбегают немцы и заливаются радостным смехом. Шеннон и Мэксин, ухватившись за столик с разных сторон, толкают его друг на друга, свирепо оскандившись, как два гладиатора в смертельной схватке. Немцы заливаются смехом и болтают по-немецки.

Мистер Шеннон, перестаньте! (Немцам.) Bitte! Nehmen Sie die Spirituosen weg! Bitte, nehmen Sie die weg!²¹

Шеннон вырвал столик из рук Мэксин и с силой двинул его в сторону немцев. Те визжат от восторга. Столик с грохотом стукнулся о стену веранды. Шеннон спрыгнул со ступенек, скрывается за листвой. В зарослях кричат птицы. Наконец немцы возвращаются к своему столику, и внезапно наступает тишина.

Мэксин. Совсем с ума сошел, скотина ирландская!.. Сук... су... сумасшедший!

Ханна. Миссис Фолк, он ведь пытается бросить пить.

Мэксин. А вы не вмешивайтесь! Все время вмешиваетесь не в свое дело!

Ханна. Мистер Шеннон... в опасном состоянии.

Мэксин. Я знаю, дорогая, как с ним обращаться. А вы только сегодня с ним встретились. Вот коктейль для дедушки.

Ханна. Пожалуйста, не называйте его дедушкой.

Мэксин. Шеннон же называет.

²¹ Уберите, пожалуйста, бутылки! Уберите все отсюда! (нем.)

Ханна (беря у нее бокал). Но у него это не звучит так высоко, как у вас. Мой дедушка – джентльмен в самом прямом значении этого слова. Настоящий джентльмен.

Мэксин. А вы кто?

Ханна. Его внучка.

Мэксин. И все?

Ханна. По-моему, вполне достаточно.

Мэксин. Да вы уж дошли до точки! Используете больного старика, чтобы пролезать в гостиницы, не заплатив даже за день вперед. Да-да, таскаете его за собой, как мексиканские нищенки таскают больных детей, чтобы разжалобить туристов.

Ханна. Я вам сказала, у меня нет денег.

Мэксин. Да, а я вам ответила, что недавно овдовела и попала в такой переплет, что в пору было вместе с мужем самой броситься на дно морское.

В зарослях показывается Шеннон, но ни Мэксин, ни Ханна не замечают его.

Ханна (стараясь быть спокойной). Завтра на рассвете я пойду в город, поставлю мольберт на площади, буду продавать акварели, рисовать портреты туристов. Я не слабый человек. И такая неудача, как здесь, у меня не часто случается.

Мэксин. И я тоже не слабый человек.

Ханна. Да про вас и не скажешь. Перед вашей силой даже страх испытываешь.

Мэксин. И правильно. Но интересно, как вы доберетесь

до Акапулько без денег на такси или хотя бы на билет в автобусе?

Ханна. На своих двоих, миссис Фолк. Мы, островитяне, хорошие ходоки. И если вы сомневаетесь в моих словах и действительно думаете, что я дошла до точки, могу посадить дедушку в кресло, повезти вниз по этой тропинке к шоссе и дальше по шоссе в город.

Мэксин. И будете катить десять миль, в грозу?

Ханна. Да, буду! И довезу!

В этой перепалке она превосходит Мэксин душевной силой. Обе стоят у стола.

Дедушка во сне откидывает голову.

Мэксин. Я бы вас не пустила.

Ханна. Но вы же недвусмысленно дали понять, что не хотите оставить нас даже на эту ночь.

Мэксин. В грозу старика сдует с коляски, как опавший лист.

Ханна. И все-таки он не захочет оставаться там, где ему не рады. И я этого не хочу. Ни для него, ни для себя, миссис Фолк. (Мексиканцам.) Где наше кресло на колесах? Куда вы поставили кресло моего дедушки?

Их разговор разбудил дедушку.

Дедушка (не разобравшись в ситуации, пытается встать, стучит тростью по полу и начинает декламировать).

Мир любовью называет Давний тот мотив, Что старик скрипач играет, В кабаке подпив.

Обезумев и шатаясь, Он выводит...

Ханна. Дедушка, не сейчас! Только не сейчас, дедушка!..

Ему показалось, что его попросили читать стихи. (Усаживает его на место.)

Ханна и Мэксин все еще не подозревают о присутствии Шеннона.

Мэксин. Успокойтесь, дорогая.

Ханна. А я совершенно спокойна, миссис Фолк.

Мэксин. Зато я не спокойна, вот беда.

Ханна. Я понимаю, миссис Фолк. Вы недавно потеряли мужа. И может быть, тоскуете о нем сильнее, чем отдаете себе в том отчет.

Мэксин. Нет. Вся беда в Шенноне.

Ханна. Вы хотите сказать, в его нервном состоянии и...

Мэксин. Да нет. В самом Шенноне. Я хочу, дорогая моя, чтобы вы отступились от него. Вы не для Шеннона, и Шеннон не для вас!

Ханна. Миссис Фолк, я старая дева, и мне уже под сорок.

Мэксин. Я-то чувствую, как вы оба трепещете. Я издали чую подобную дрожь, которая начинает бить сразу двоих. И как только вас сюда принесло, я сразу ее почувствовала в вас и Шенноне. И, верьте мне, только это повело к недоразумениям между нами. Оставьте Шеннона в покое, дорогая, и живите себе здесь с вашим дедушкой, пока не надоест.

Ханна. Миссис Фолк, похожа я на женщину-вампа?

Мэксин. Они разные бывают. Каких только вамп я здесь

не насмотрелась!

Шеннон (подходя к столику). Мэксин, я вам уже говорил – не заставляйте нервных людей еще больше нервничать. Но вы не слушаете.

Мэксин. Вам бы в самый раз выпить.

Шеннон. Предоставьте мне самому решать за себя.

Ханна. Может, присядете к нам, мистер Шеннон, и поедите? Пожалуйста! Сразу станет легче.

Шеннон. Я не голоден.

Ханна. Тогда просто посидите с нами. Пожалуйста...

Шеннон присаживается к столу Ханны.

Мэксин (в сторону Ханны, с угрозой). Ну хорошо... хорошо...

Дедушка (слегка приподнимаясь, бормочет). Изумительно... изумительное местечко...

Мэксин отходит и откатывает столик с винами в сторону немцев.

Шеннон. И вы бы в самом деле ушли?

Ханна. Вам не приходилось играть в покер, мистер Шеннон?

Шеннон. Хотите сказать, просто блефовали?

Ханна. До некоторой степени.

Поднимается ветер. И кажется – это глубокий вздох океана волнует листву джунглей.

Сейчас начнется гроза. Надеюсь, ваши дамы уже не катаются по морю на своей лодке со стеклянным днищем, обо-

зревая подводные чудеса?

Шеннон. Плохо вы знаете этих леди. Но они, пожалуй, успели вернуться и уже танцуют в ресторанчике под пианолу да строят новые козни, как бы половчее выжить меня с работы.

Ханна. А чем вы займетесь, если вас...

Шеннон. Выкинут? Вернусь в церковь или... поплыву напрямиком в Китай.

Ханна вынимает смятую пачку сигарет и, обнаружив, что остались только две штуки, решает их приберечь до случая и снова прячет в карман.

Можно попросить у вас сигарету, мисс Джелкс?

Она подает пачку.

(Комкает, и выбрасывает за перила.) Никогда не курите этих сигарет. Их делают из окурков, которые нищие собирают в мусорных ямах в Мехико. (Вынимает коробочку английских сигарет.) Курите! Импортные. В герметической упаковке. Единственная роскошь, которую я себе позволяю.

Ханна. Ну что ж, благодарю вас, выкурю, поскольку вы выбросили мои.

Шеннон. Я хочу вам сказать кое-что о вас самой. Вы — леди, настоящая леди! И широкая натура.

Ханна. А собственно, чем я заслужила подобный комплимент?

Шеннон. Это не комплимент, просто констатация подмеченного мною факта. Подмеченного несмотря на то, что сей-

час я не способен ничего замечать вокруг себя. Вы вынули свои мексиканские сигареты, увидели, что осталось только две, и, помня, что не можете себе позволить купить даже эту дешевую отраву, спрятали их на крайний случай. Верно?

Ханна. Все подмечено с беспощадной точностью, мистер Шеннон.

Шеннон. Но когда я попросил сигарету, вы сразу, не колеблясь, предложили мне всю пачку.

Ханна. А вы не делаете из мухи слона?

Шеннон. Напротив, дорогая, – превращаю слона в муху, большое свожу к малому. (Взял сигарету в зубы, но у него нет спичек.)

Ханна дает ему прикурить.

Где вы научились зажигать спички на ветру?

Ханна. О, мало ли каким полезным мелочам пришлось научиться. Лучше бы научиться чему-нибудь посерьезней.

Шеннон. Например?

Ханна. Например, как вам помочь, мистер Шеннон...

Шеннон. Теперь я знаю, почему меня тянуло сюда.

Ханна. Чтобы встретиться с человеком, который умеет зажигать спички на ветру?

Шеннон (взгляд его опущен, голос слегка дрогнул). Чтобы встретить человека, который хочет мне помочь, мисс Джелкс. (Смущен, быстро отворачивается, чтобы она не успела заметить слезы у него на глазах.)

Она смотрит на него с той же нежностью, как на дедушку.

Ханна. Вы так давно не встречались ни с кем, кто хотел бы вам помочь, или же вы...

Шеннон. Что?

Ханна. ...так были заняты борьбой с самим собою, что просто не замечали, когда люди по мере сил хотели вам помочь? Я знаю, чаще всего люди дьявольски мучают один другого, но иногда им удается разглядеть и понять друг друга, и тогда, если они не безнадежно жестоки, им хочется помочь друг другу всем, чем могут... А теперь – хотите помочь мне? Присмотрите за дедушкой, пока я уберу акварели с веранды во флигеле, а то вот-вот разразится гроза.

Он быстро кивает и закрывает лицо ладонями. Она шепчет: «Спасибо!» – и быстро уходит с веранды. На полпути, при ударе грома и шуме начинающегося дождя, Ханна оборачивается.

Шеннон (подошел к дедушке). Дедушка! Дедушка! Давайте-ка встанем, пока нас не застиг дождь. Дедушка!

Дедушка. Что? Что?

Шеннон помогает ему встать. Бережно отводит в глубь веранды. Ханна бежит к флигелю. Мексиканцы быстро убирают посуду, складывают столики и ставят их к стене.

Шеннон и дедушка стоят у стены и смотрят на грозу – так ждут расстрела, бесстрашно глядя на прицелившихся уже солдат.

Мэксин (очень возбуждена, отдает приказания мексиканцам). Pronto, pronto, muchachos! Pronto, pronto! Llevaros

todas las cosas! Pronto, pronto! Recoge los platos. Apurate con el mantel!²² Педро. Nos estamos dando prisa. ²³ Панчо. Que el chubasco lave los platos!²⁴

Семейка немцев воспринимает грозу как апофеоз вагнеровской оперы; вскочив на ноги, они восторженно поют, пока мексиканцы убирают их стол. Яркие вспышки молний рвутся в небе, и кажется, будто гигантская белая птица устремилась к вершине горы Коста Верде. Прижимая к груди акварели, появляется Ханна.

Шеннон. Все успели собрать?

Ханна. Да, и как раз вовремя. Вот он, ваш Бог, мистер Шеннон!

Шеннон (спокойно). Да, вижу, слышу, узнаю его. И если он не понял, что я узнал его, то да поразит он меня своей молнией. (Отходит от стены к краю веранды.)

Серебряная пелена дождя, завесившая веранду, поглощает свет, делая очертания фигур на веранде еле различимыми. Все теперь серебрится, блестит. Шеннон протягивает руки под потоки дождя, поворачивает их, словно хочет охладить. Подставляет ладони, чтобы набрать в них воды и смочить разгоряченный лоб. Дождь все усиливается, ветер доносит звуки маримба-джаза. Шеннон отрывает руки от горящего

²² Скорей, скорей, мальчики! Поторопитесь! Собирайте все со столиков! Скорей, скорей! Убирайте тарелки! Скатерть, скатерть складывайте! (исп.)

²³ Да мы и так спешим (исп.).

²⁴ Пусть дождем тарелки вымоет! (исп.)

лба и протягивает их сквозь пелену дождя, будто хочет дотянуться до чего-то. Ничего не видно, кроме этих протянутых рук. И вдруг яркая молния освещает у стены фигуры Ханны и дедушки, стоящих позади Шеннона, и в то же мгновение гаснет матовый шар, свисающий с потолка веранды. И пока медленно опускается занавес, яркое пятно света не меркнет на протянутых руках Шеннона. В постановке все эти сценические эффекты не должны заслонять гораздо более важное – людей. Это ни в коем случае не должно быть эффектом «под занавес». Слабая, еле слышная на ветру музыка маримба-джаза из ресторана доносится, пока не зажгутся огни в зале.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Там же, несколько часов спустя. Третий, четвертый, пятый номера слабо освещены. В третьем номере мы видим Ханну, а в четвертом дедушку. За столиком на веранде Шеннон, сняв рубашку, пишет письмо епископу. Все столики, кроме этого, сложены и составлены к стене. Мэксин вешает на веранде гамак, снятый на время обеда. Электричество все еще не зажглось, в номерах горят керосиновые лампы. Небо совсем очистилось, светит полная луна, и вся веранда залита ослепительно ярким-серебряным светом, отражающимся в каждой капле недавнего дождя. Тропический ливень проник всюду, и даже на веранде здесь и там поблескивают серебром небольшие лужицы. В стороне горшок с углями от москитов, которые особенно злобствуют после тропического дождя, как только ветер поутихнет. Шеннон лихорадочно быстро пишет и то и дело хлопает себя по голове, спине, груди, убивая москитов. Он весь в поту, дышит как бегун после длинной дистанции и что-то шепчет про себя, то и дело шумно вздыхая и откидывая назад голову; в отчаянии глядит в ночное небо. За москитной сеткой, на стуле, очень прямо сидит Ханна с маленькой книжкой в руках, делая вид, что читает. Но глаза ее устремлены на Шеннона – словно она его ангел-хранитель. Волосы ее распущены. Дедушка, слегка раскачиваясь взад и вперед, сидит на узкой кровати, яв-

но пытаюсь вспомнить строфы новой поэмы, которую пишет уже «двадцать с чем-то лет» и которая, он это знает, будет для него последней.

По временам слышится музыка из приморского рестораника.

Мэксин. Что, ваше преподобие, готовите проповедь на будущее воскресенье?

Шеннон. Я пишу очень важное письмо, Мэксин. (Прямой намек, чтобы ему не мешали.) Мэксин. Кому, Шеннон?

Шеннон. Декану школы богословия, в Сьюэни.

Мэксин про себя повторяет: «Сьюэни».

И был бы вам очень признателен, дорогая Мэксин, если бы вы еще сегодня послали его с Педро или Панчо в город, чтобы оно могло уйти рано утром.

Мэксин. А мальчики уже удрали в пикапе в ресторан пить холодное пиво и обнимать горячих потаскушек.

Шеннон. Фред умер... и тем лучше для него...

Мэксин. Дитя мое, вы неправильно понимаете мое отношение к Фреду. Мне его очень недостает. Но последнее время мы уже не только не спали вместе, но даже и не разговаривали по-людски. Никаких ссор, никаких недоразумений. Но если за весь день мы перекинемся парой слов – то уже длинный разговор.

Шеннон. Фред знал, когда меня преследовали мои призраки, ему все бывало ясно без слов. Посмотрит и скажет: «Ну что, Шеннон, опять навалилось?»

Мэксин. Ну вот, а со мной только «да» и «нет».

Шеннон. Может быть, он понимал, что вы стали свиньей?

Мэксин. Ха! Вы прекрасно знаете, как мы с Фредом уважали друг друга. Но вы же понимаете... такая разница в возрасте...

Шеннон. А Педро и Панчо на что?

Мэксин. Слуги... Они недостаточно уважают меня. Если дашь слугам слишком много воли, они перестают вас уважать, Шеннон. А это, как бы вам сказать... унижительно.

Шеннон. Тогда почаще ездите в город на автобусе, чтобы мексиканцы побольше вас тискали и щипали. Или уж пусть герр Фаренкопф вас уважит как следует...

Мэксин. Ха! Вы меня убиваете... Я уж подумывала, а не распродать ли все и вернуться в Штаты, в Техас? Открыть неподалеку от какого-нибудь бойкого городишка – Хьюстона или Далласа, например, – туристский кемпинг и сдавать внаем кабинки деловым людям, когда им срочно потребуются уютный и укромный уголок, где можно сверхурочно подиктовать миленькой секретарше, которая не умеет писать на машинке и не знает стенографии, несколько деловых писем... Ром-коко бесплатно, в ванной – биде... Я хочу ввести в Штатах биде...

Шеннон. Неужели вам только это и нужно в жизни, Мэксин?

Мэксин. И да и нет, беби. Любить человека – одно дело, а только спать с ним – совсем другое. Даже я это понимаю.

Шеннон встает.

Но мы оба подошли уже к тому перевалу, когда надо устраиваться в жизни основательно, а не витать в облаках.

Шеннон. Я не хочу заживо гнить.

Мэксин. Зачем же? Разве я допущу! Я помню один ваш разговор с Фредом на этой веранде. Вы рассказывали, с чего пошли все ваши напасти. Вы сказали, что мама укладывала вас в кроватку, когда вам еще не хотелось спать, и тогда вы предались пороку маленьких мальчиков. Но однажды она застучала вас на месте преступления и здорово отлупила. Вы сказали, что мама вынуждена была вас наказать, потому что, как видно, Бог прогневался не меньше, чем она. И уж лучше, что она сама вас наказала, а то Бог наказал бы еще строже.

Шеннон. Я ведь рассказывал Фреду!

Мэксин. А я все слышала. По вашим словам, вы так любили и Бога, и маму, что перестали грешить, дабы их не огорчать. Но грех доставлял вам тайные радости, и вы затаили зло и на маму, и на Бога за то, что они вас лишили такого удовольствия. И вы отомстили Богу своими безбожными проповедями, а маме – тем, что принялись портить молоденьких девушек.

Шеннон. Я не произнес ни одной безбожной проповеди и никогда не произнесу, не смогу произнести, когда вернусь в лоно церкви.

Мэксин. А вы не вернетесь. Кстати, вы упомянули в своем письме декану школы богословия, что вас обвиняют в со-

вращении, наказуемом законом?

Шеннон (так сильно оттолкнув стул, что тот опрокинулся). Да оставите вы меня в покое в конце концов? С тех пор как я здесь, у вас, вы ни минутки не дали мне передохнуть. Пожалуйста, оставьте меня в покое! Ради Бога!

Мэксин (безмятежно улыбаясь его ярости). О беби...

Шеннон. Что значит: «О беби»? Что вам нужно от меня, Мэксин?

Мэксин. Только вот это... (Нежно тормошит волосы Шеннона.) Шеннон (отбрасывая ее руку). О Боже... (Покачивая головой, с беспомощным смешком, спускается с веранды.) Мэксин. Мой повар-китаец всегда твердит одно: «Не надо потеть!.. Не надо потеть!» Он говорит, что в этом вся философия. Вся его китайская философия в трех словах: «Не надо потеть!» С вашей-то репутацией, да еще под угрозой судебного преследования за соращение, где уж вам вернуться в церковь! Разве что к «Святым вертунам», если в их секте будут молоденькие вертушки, а на полу их святилища найдется охапка сена.

Шеннон. Съезжу в город на автобусе и сегодня же отправлю письмо. Сам! (Идет к тропинке, но слышит внизу голоса, раздвигает листву, осматривает путь.) Мэксин (спускаясь с веранды). Не забудьте о призраке, он где-нибудь здесь.

Шеннон. Мои дамы что-то замышляют. Собрались на дороге, возле автобуса.

Мэксин. Объединились против вас, Шеннон. (Подходит к

нему.)

Он отодвигается в сторону.

Мэксин смотрит вниз. В своей комнате Ханна встает из-за стола (она освободила его, чтобы писать письма), снимает с крючка халат, который носят в театре Кабуки, и надевает его, как актеры надевают костюм в своей уборной. Комната дедушки слабо освещена. Он все еще раскачивается взад и вперед, сидя на краешке кровати, и еле слышно бормочет строфы неоконченной поэмы.

Да... А вон еще какой-то маленький толстячок, сдается мне – Джейк Лэтта. Ну да, Джейк Лэтта. Видно, послали принять у вас группу, Шеннон.

Шеннон взглянул вниз и дрожащими руками пытается зажечь сигарету.

Ну и пусть. «Не надо потеть!» Вон идет сюда... Поговорить с ним вместо вас?

Шеннон. Я и сам могу. Не вмешивайтесь, пожалуйста. (Старается взять себя в руки.)

Во время последующей сцены Ханна стоит неподвижно за москитной сеткой – кажется, будто эта фигура написана на холсте.

Лэтта (появляется снизу, запыхавшись, но сияя приветливой улыбкой. Подымается по ступеням веранды). Привет, Ларри.

Шеннон. Здорово, Джейк. (Вкладывая только что написанное письмо в конверт.) Миссис Фолк, дорогая, это надо

отправить воздушной почтой.

Мэксин. Но раньше надо написать адрес.

Шеннон. О! (Смеясь, выхватывает у нее письмо. Шарит по карманам, ищет записную книжку, силясь справиться с волнением; пальцы дрожат.) Лэтта (подмигивая Мэксин). Как он тут, Мэксин?

Мэксин (с легкой улыбкой). Заставить бы его выпить, лучше бы себя почувствовал.

Лэтта. А вы не можете?

Мэксин. Нет, даже ром-коко не пьет.

Лэтта. Выпьем ром-коко, Ларри.

Шеннон. Пейте сами, Джейк, а у меня группа дам, о которых надо заботиться. Я-то знаю, в нашей работе бывают моменты, требующие хладнокровия и абсолютной трезвости. А вы, Джейк? Еще не сделали этого открытия? Кстати, каким ветром вас занесло сюда? Вы здесь с группой?

Лэтта. Я приехал, Ларри, принять вашу.

Шеннон. Интересно! По чьему же распоряжению, Джейк?

Лэтта. Получил в пути телеграмму с предложением принять вашу группу и присоединить к моей... поскольку у вас легкий нервный припадок и...

Шеннон. Покажите телеграмму. Ну?!

Лэтта. Шофер сказал, вы забрали ключ от зажигания.

Шеннон. Верно. Ключ у меня... это моя группа, и ни автобус, ни группа не двинутся с места, пока я не распоряжусь.

Лэтта. Ларри, вы больны, дорогой. И не доставляйте мне

неприятностей.

Шеннон. Из какой тюрьмы, жирное вы ничтожество, вас выручили под залог?

Лэтта. Отдайте ключ, Ларри.

Шеннон. Где вас откопали? Никакой группы у вас нет! С тридцать седьмого года вам не поручали никаких групп.

Лэтта. Отдайте мне ключ от автобуса, Ларри, и поскорей!

Шеннон. Этому свиному рылу?!

Лэтта. Миссис Фолк, где комната его преподобия?

Шеннон. Ключ у меня. (Хлопнув себя по карману.) Здесь, вот в этом кармане! Хочешь взять? Попробуй достань, жирная харя!

Лэтта. Миссис Фолк, какие слова употребляет его преподобие...

Шеннон (вынимая ключ). Видел? (Снова прячет ключ.) А теперь проваливай туда, откуда явился. Моя группа остается здесь еще три дня, потому что не все леди в состоянии сейчас продолжать путешествие, так же... так же, как и я...

Лэтта. Они уже садятся в автобус.

Шеннон. А как вы собираетесь его завести?

Лэтта. Ларри, не заставляйте звать шофера, чтобы подержать вас, пока я выну ключ. Хотели посмотреть телеграмму компании? Вот, пожалуйста. (Показывает.) Прочтите.

Шеннон. Вы сами послали эту телеграмму.

Лэтта. Из Хьюстона?

Шеннон. Попросили кого-нибудь послать из Хьюстона.

Что это доказывает? А «Бюро Блейка» – что оно собой представляло, до того как заполучило меня? Ровно ничего! Ничего! И вы полагаете, меня отпустят? Хо-хо! Эх, Лэтта, вся текила, которую вы в жизни выпили, и все ваше распутство кинулись вам в голову.

Лэтта громко зовет Хэнка.

Вы что, не понимаете, что значит моя работа для фирмы? Не видели проспектов, в которых специально упоминается – подчеркивается! – что гидом особых групп является его преподобие Лоренс Шеннон, доктор богословия, путешествующий вокруг света, лектор, сын священнослужителя и внук епископа, прямой потомок двух губернаторов колониальных времен?

На ступенях веранды мисс Феллоуз.

Мисс Феллоуз читала проспект и помнит, что там сказано обо мне.

Мисс Феллоуз (Лэтте). Взяли ключ?

Лэтта (зажигая сигарету грязными дрожащими пальцами). Сейчас придет шофер, леди, и отберет у него.

Шеннон. Ха-ха-ха-ха... (Так смеется, что вынужден прислониться к стене веранды.) Лэтта (касаясь пальцем лба). Свихнулся...

Шеннон. Ну что ж, у этих леди... во всяком случае, у некоторых из них, если не у всех... в первый раз в жизни была возможность лично свести знакомство с джентльменом и по рождению, и по воспитанию, с которым при других об-

стоятельствах им бы вовек не познакомиться; не говоря уже, конечно, о возможности оскорблять его, обвинять и...

Мисс Феллоуз. Шеннон! Все девушки уже в автобусе, и мы хотим немедленно уехать. Сию же минуту отдайте ключ!

На тропинке показался Хэнк. Весело насвистывает, но его не замечают.

Шеннон. Не будь у меня такого чувства ответственности за группы, которыми я руковожу, я бы с удовольствием уступил вашу – она мне достаточно неприятна – этому дегенерату, Джейку Лэтте. Да, я бы отдал ключ, который у меня в кармане, даже этому подонку Лэтте... Но, к счастью для вас, я не настолько безответствен. Нет, нет... Вне зависимости от того, как относятся ко мне члены группы, я всегда чувствую себя ответственным за них до той минуты, пока не привожу их к конечному пункту путешествия.

На веранду поднимается Хэнк.

Привет, Хэнк! Вы мне друг или враг?

Хэнк. Ларри, я должен получить у вас ключ, надо уезжать.

Шеннон. Значит, враг! А я на вас надеялся, Хэнк. Думал, вы мне друг.

Хэнк скручивает ему руки, Лэтта изымает ключ. Ханна закрывает глаза рукой.

Ладно, ладно, отняли. Силой. И это освобождает меня от всякой ответственности. Забирайте всех леди в этом автобусе и сматывайтесь. Эй, Джейк, а вам приходилось видеть в Техасе таких мегер? (Кивает в сторону мисс Феллоуз.)

Она подскакивает к нему и дает пощечину.

Благодарю вас, мисс Феллоуз! Лэтта, минуточку! Я не хочу остаться на мели. У меня в этом маршруте были всякие непредвиденные расходы. И не осталось денег на билет до Хьюстона и даже до Мехико. Если компания действительно предложила вам принять мою группу, они, конечно... (почти задыхаясь) я в этом совершенно уверен! – должны были дать вам кое-что для меня в счет... выходного пособия? По крайней мере столько, чтобы доехать до Штатов...

Лэтта. Я не получал для вас денег.

Шеннон. Мне неприятно не верить вам, но...

Лэтта. Мы доведем вас до Мехико. Сядете с шофером.

Шеннон. Вы бы на моем месте, конечно, так и сделали,

Лэтта... Но я нахожу это унижительным. Ну! Отдавайте мои деньги.

Лэтта. Компания вынуждена возместить этим леди половину стоимости их тура. На это и пойдет ваше выходное пособие. И мисс Феллоуз говорит, что вы и так повыманили деньжат у девушки, которую совратили...

Шеннон. Мисс Феллоуз, вы действительно сказали такую...

Мисс Феллоуз. В ту ночь, когда Шарлотта пошла с вами в город, она потратила двадцать долларов.

Шеннон. После того как я истратил все свои деньги...

Мисс Феллоуз. А на что? На проституток в притонах, куда вы ее водили?

Шеннон. Мисс Шарлотта потратила свои двадцать долларов после того, как я истратил все, что у меня было с собой. И мне никогда не нужны были... я никогда не хотел иметь ничего общего с проститутками...

Мисс Феллоуз. Вы водили ее в такие притоны, как...

Шеннон (перебивая). Я показал ей то, что ей хотелось увидеть. Спросите сами. Я показал ей Сан-Хуан-де-Летран, показал ей Тенампа и другие места, не обозначенные в проспекте. Я показал ей не только всяческие сады, дворец Максимилиана, часовню безумной императрицы Карлотты, мадонну из Гваделупы, памятник Хуаресу, остатки цивилизации ацтеков, меч Кортеса, головной убор Монтесумы, но и кое-что другое – все, что она просила показать. Где она? Где мисс... О, она там, в автобусе. (Перегибается через перила и кричит вниз.) Шарлотта! Шарлотта!

Мисс Феллоуз (хватая его за руку и отгаскивая от перил). Не смейте!

Шеннон. Чего не сметь?

Мисс Феллоуз. Звать ее, говорить с ней, приближаться к ней, подлый вы человек...

С торжественностью и быстротой кукушки, выскакивающей из часов, чтобы возвестить время, в углу веранды появляется Мэксин. Появляется и стоит здесь, некстати улыбаясь, смотрит, не мигая, своими большими, словно нарисованными на круглом улыбающемся лице глазами.

Ханна неподвижно держит одной рукой позолоченный

японский веер, другой откидывает сетку на двери, будто хочет броситься на помощь Шеннону. В ее позе есть что-то напоминающее танцовщиц театра Кабуки.

Шеннон (вновь становится отменно вежлив). Ну что ж, и не надо. Я только хотел, чтобы она подтвердила мои слова, что я показывал ей все это по ее просьбе, а не по собственной инициативе. Я только предложил свои услуги, когда она сказала, что ей хотелось бы посмотреть достопримечательности, не обозначенные в проспекте... которые не всегда показывают туристам. Например...

Мисс Феллоуз. Например, ваш номер в отеле? И что еще? Она вернулась вся искусанная блохами.

Шеннон. Ну, ну, пожалуйста, не преувеличивайте. От Шеннона еще никто блох не набирался.

Мисс Феллоуз. Но ее платье пришлось отдать в дезинфекцию.

Шеннон. Я понимаю ваше раздражение, но вы все-таки слишком далеко заходите, давая понять, что Шарлотта у меня набралась блох. Я не отрицаю того...

Мисс Феллоуз. Подождите, пока фирма получит мое письмо!

Шеннон. Я не отрицаю, вполне возможно, что могут искушать блохи, когда осматриваешь ту часть города, которая обычно скрыта от глаз публики, далека от больших бульваров, от элегантных ночных клубов и даже от фресок Диего Риверы, но...

Мисс Феллоуз. Это вашему преподаванию, лишенному сана, надо произносить с кафедры.

Шеннон (угрожающе). Вы это слишком часто повторяете. (Хватает ее за руку.) И на этот раз при свидетелях. Мисс Джелкс! Мисс Джелкс!

Ханна (приподнимая москитную сетку). Да, мистер Шеннон! В чем дело?

Шеннон. Вы слышали, что эта...

Мисс Феллоуз. Шеннон! Уберите руку!

Шеннон. Мисс Джелкс, скажите только, вы слышали, что эта... (Голос вдруг срывается странным рыдающим звуком. Подбегает к стене и начинает колотить по ней кулаками.)

Мисс Феллоуз. Я потратила сегодня весь вечер на междугородные переговоры – больше двадцати долларов извела, чтобы выяснить личность этого самозванца.

Ханна. Только не самозванца. Вы не смеее так говорить!

Мисс Феллоуз. Вас выгнали из церкви за атеизм и совращение девушек!

Шеннон (оборачиваясь). Перед Богом и людьми – вы лжете, лжете!

Лэтга. Мисс Феллоуз, я хочу, чтобы вы знали – наша компания была введена в заблуждение насчет прошлого этого типа. И теперь фирма, конечно, позаботится, чтобы Шеннона внесли в черный список и не допускали к работе ни в одной туристической компании в Штатах.

Шеннон. А как насчет Африки, Азии, Австралии?! Я ведь

путешествовал по всему свету, Джейк, по всему Божьему свету. И никогда не придерживался в точности маршрутов, обозначенных в проспектах. Всегда говорил тем, кто хотел: смотрите! смотрите! Побывайте и на дне больших городов! И если сердцам их были еще доступны хоть какие-то человеческие чувства, я бесплатно предоставлял им эту возможность – чувствовать и проникаться состраданием. Никто из них никогда этого не забудет! Никто! Никогда!

В словах его такая страсть, что все некоторое время безмолвствуют.

Лэтта. Ну что ж, валитесь опять в гамак и лежите, – на большее вы не способны, Шеннон. (Подходит к краю тропинки и кричит.) Все в порядке. Трогаемся! Привязывайте багаж на крышу. Сейчас идем!

Лэтта и мисс Феллоуз спускаются по тропинке.

Голос дедушки (вдруг – диссонансом ко всему происходящему).

Ветвь апельсина смотрит в небо Без грусти, горечи и гнева...

Шеннон глубоко, шумно вздыхает и бежит с веранды вниз по тропинке. Ханна протягивает к нему руку, зовет его. На веранде появляется Мэксин. Внизу какая-то суматоха – негодующие выкрики, визгливый смех.

Мэксин (бросаясь к тропинке). Шеннон! Шеннон! Вернитесь! Вернитесь! Pancho! Pedro, traerme a Shannon! Que esta

haciendo alli?²⁵ Ради Бога, верните его кто-нибудь!

Тяжело дыша, возвращается вконец измученный Шеннон.
За ним следует Мэксин.

Мэксин. Шеннон, ступайте к себе в комнату и не выходите, пока они не уедут.

Шеннон. Не распоряжайтесь!

Мэксин. Делайте что сказано, не то я вас отправлю... сами знаете куда.

Шеннон. Не толкайте меня, Мэксин, не тащите меня.

Мэксин. Хорошо, а вы делайте, что вам говорят.

Шеннон. Шеннон повинуется только Шеннону.

Мэксин. По-другому запоете, когда опять упрячут туда, где вы были в тридцать шестом. Помните, что было в тридцать шестом?

Шеннон. Ладно, Мэксин, дайте только... вздохнуть, оставьте меня, прошу вас. Никуда я не уйду, полежу здесь, в гамаке.

Мэксин. Пойдите в комнату Фреда – там вы будете у меня на глазах.

Шеннон. Потом, Мэксин, только не сейчас.

Мэксин. Почему вы всегда заявляетесь сюда именно перед припадком, Шеннон?

Шеннон. Из-за гамака, Мэксин, из-за этого гамака в зарослях джунглей...

Мэксин. Подите к себе в комнату и оставайтесь там, пока

²⁵ Панчо! Педро, верните Шеннона! Куда все подевались? (исп.)

я не вернусь. О Господи, деньги! Они же не разочлись еще со мной, черт бы их драл! Надо бежать получить с них по этому проклятому счету, пока они... Панчо, *vijilalo, entiendes?*²⁶ (Бежит вниз и кричит.) Эй, вы там! Подождите минуточку!

Шеннон. Что я наделал? (Ошеломленно покачивает головой.) Что я там натворил, не припомню?!

Ханна приподнимает москитную сетку в своей комнате, но не выходит. Ее фигура мягко освещена и снова напоминает средневековую скульптуру святой. На светлом золоте ее волос отблески света, в руках – серебряная щетка, которой она расчесывала волосы.

Боже милостивый, что я наделал? Что же я там натворил? (Обращаясь к мексиканцам, вернувшимся снизу.) *Que hice? Que hice?*²⁷

Оба мексиканца заливаются смехом.

Панчо. *Tu measte en las maletas de las senoras!*²⁸

Шеннон пытается посмеяться вместе с мексиканцами, которые корчатся от хохота, но его смех быстро сменяется всхлипами. Снизу слышится сердитый голос Мэксин – она препирается с Лэттой.

Потом резкий крик мисс Феллоуз и общая перебранка, покрываемая гудением мотора.

Шеннон. Вот и отбывают мои дамы... Ха-ха-ха... Уезжа-

²⁶ Последи за ним, слышишь? (исп.)

²⁷ Что я сделал? Что я сделал? (исп.)

²⁸ Ты помочился на чемоданы тех сеньор! (исп.)

ют мои... (Оборачивается и, встретившись с серьезным, сочувственным взглядом Ханны, снова пытается засмеяться.)

Она слегка качает головой и жестом останавливает его.

Потом опускает сетку, и теперь ее неясно освещенная фигура видна как в тумане.

...дамы, последние мои дамы... ха-ха-ха... (Наклоняется над парапетом веранды и вдруг рывком выпрямляется и с нечеловеческим воплем начинает рвать на себе цепь, на которой висит золотой крест.)

Панчо безучастно смотрит, как цепь врезается ему в шею.

Ханна (подбегает к Шеннону). Мистер Шеннон, перестаньте! Вы пораните себя. А это вовсе не обязательно, сейчас же перестаньте! (Панчо.) *Agarrale los manos!*²⁹

Мексиканец не очень охотно пытается выполнить ее просьбу.

Но Шеннон бьет его и яростно продолжает себя истязать.

Шеннон, позвольте мне, я сама сниму с вас крест. Можно?

Он опускает руки, она старается расстегнуть застежку, но у нее дрожат пальцы, и ничего не получается.

Шеннон. Нет, нет, так его не снять. Я сам должен разорвать эту цепь.

Ханна. Подождите, я уже расстегнула. (Снимает с него крест.) Шеннон. Спасибо. Возьмите его себе. Прощайте. (Бежит к кустам, скрывающим тропинку.) Ханна. Куда вы? Что вы задумали?

²⁹ Держите его за руки! (исп.)

Шеннон. Хочу сделать заплыв. Прямо в Китай!

Ханна. Нет, нет, только не сегодня, Шеннон! Завтра... завтра, Шеннон.

Но он уже раздвигает кусты, усеянные цветами, напоминающими колокольчики, и устремляется вниз. Ханна бежит за ним, крича на ходу: «Миссис Фолк!»

Слышится голос Мэксин, зовущий мексиканцев: «Muchachos, cogerlo! Atarlo! Esta loco. Traerlo aqui!»³⁰ Через несколько мгновений Мэксин и мексиканцы уже тащат Шеннона сквозь кусты на веранду. Связывают и укладывают в гамак.

Сейчас он борется уже больше для виду. Но Ханна, наблюдая, как его связывают, ломает руки.

Ханна. Веревки режут ему грудь!

Мэксин. Ничего, ничего. Он только представляется, играет. Ему это нравится. Знаю я этого ирландского ублюдка, никто его так не знает! А вы, дорогая моя, не вмешивайтесь. Он разыгрывает такие штуки регулярно, будто по календарю. Каждые полтора года... А два раза ухитрился разыграть здесь свои припадочки, и мне пришлось платить врачу. Сейчас позвоню в город, вызову доктора. Пусть впрыснет ему что-нибудь покрепче... А если завтра ему не станет лучше, придется отправить в тот же сумасшедший дом, где он уже был в прошлый раз, когда тут у нас заболел. (Выходит.)

Пауза.

³⁰ Мальчики, ловите его! Держите! Он сошел с ума! Тащите его сюда! (исп.)

Шеннон. Мисс Джелкс!

Ханна. Да?

Шеннон. Где вы?

Ханна. Здесь, у вас за спиной. Могу я вам чем-нибудь помочь?

Шеннон. Сядьте, чтобы я видел вас. И говорите что-нибудь все время, не переставая. Я должен побороть этот страх.

Пауза. Ханна придвигает стул к его гамаку. С пляжа возвращаются немцы. В восторге от сцены, которую разыграл перед ними Шеннон, они, почти нагие, маршем последовали за ней на веранду, собрались вокруг связанного Шеннона и смотрят на него, словно на зверя в клетке. Болтают меж собой по-немецки, кроме тех случаев, когда обращаются к Шеннону или Ханне. Их крупные, умащенные лосьоном тела блестят в свете луны. Они все время хихикают.

Ханна. Будьте добры, оставьте его, пожалуйста, в покое.

Немцы делают вид, будто не понимают ее.

Фрау Фаренкопф (наклоняется над Шенноном. и говорит громко и медленно на языке, который плохо знает). Правда, что вы сделали пи-пи на чемоданы этих леди из Техаса? Ха-ха-ха... Подбежали к автобусу, и прямо перед дамами сделали пи-пи на их чемоданы?

Негодующий протест Ханны покрывается раблезианским хохотом немцев.

Фаренкопф. Das ist wunderbar! Wunderbar!³¹ Ха? Какой

³¹ Это замечательно! Замечательно! (нем.)

жест! А?! Вот и показали этим леди, что вы есть настоящий американский джентльмен! Ха? (Поворачивается к остальным и шепчет что-то неприличное.)

Обе женщины в полном восторге. Хильда, задыхаясь от смеха, падает в объятия мужа.

Ханна. Миссис Фолк! Миссис Фолк! (Устремляется к появившейся на веранде Мэксин.) Попросите, пожалуйста, этих людей оставить его в покое. Они издеваются над ним, как над зверем, попавшим в западню.

Смеясь, весело дурачась, немцы уходят с веранды.

Шеннон (вдруг громко кричит). Возвращение к детству... ха-ха... Возвращение к детству... Инфантильный протест... ха-ха-ха-ха... инфантильное озлобление против мамы и Бога, ярость против проклятой детской кроватки, ярость против всего... всего... Возвращение к детству!

Все ушли. Ханна и Шеннон остались с глазу на глаз.

Шеннон. Развяжите меня.

Ханна. Пока нельзя.

Шеннон. Я не могу этого вынести.

Ханна. Придется немного потерпеть.

Шеннон. Меня охватывает страх.

Ханна. Я знаю.

Шеннон. От страха можно умереть.

Ханна. Те, кому это нравится, как вам, мистер Шеннон, не умирают. (Вошла в свой номер.)

Он как раз позади гамака. Комната освещена, и мы видим,

что она вынимает из чемодана, стоящего на кровати, чайник, жестянку с чаем и спиртовку.

Возвращается с ними на веранду.

Шеннон. Что вы хотели сказать своей оскорбительной фразой?

Ханна. Какой фразой, мистер Шеннон?

Шеннон. Будто мне нравится.

Ханна. Ах... этой!

Шеннон. Да, этой.

Ханна. Я не хотела вас оскорбить, просто наблюдение. Я ведь не сужу людей – рисую их, и все. Только рисую... Но, чтобы верно изобразить, приходится очень внимательно наблюдать их, не правда ли?

Шеннон. И вы заметили, верней, вам кажется, мисс Джелкс, что вы заметили, будто мне нравится лежать в этом гамаке связанным, как свинья, которую повезут на бойню?

Ханна. А кому бы не захотелось пострадать, искупить свои грехи и грехи всего человечества, мистер Шеннон, если это можно сделать, лежа в гамаке, на котором вас распяли не гвоздями, а всего лишь веревками, да еще на горе, которая куда привлекательней Голгофы. Мне видится даже, как вы изгибаетесь и стонете в этом гамаке... И ведь ни гвоздей, ни крови, ни смерти... Не слишком мучительное распятие за грехи всего мира, мистер Шеннон! (Чиркает спичкой и зажигает спиртовку.)

Отсветы чистого синего пламени создают в той части ве-

ранды, где идет сцена, какое-то совершенно особое освещение. Голубое пламя спиртовки мягко отражается нежным, блеклым шелком синего халата, подаренного Ханне актером театра Кабуки, который позировал ей в Японии.

Шеннон. Именно в эту минуту, когда вы мне так нужны, вы против меня. Почему?

Ханна. А я не против вас, мистер Шеннон. Просто я пытаюсь сделать с вас набросок, только не пастелью, не углем, а словами.

Шеннон. У вас вдруг появились повадки старой девы из Новой Англи, которых я раньше в вас не замечал. Я ведь считал вас этакой эмансипированной святошей, мисс Джелкс.

Ханна. Кто же бывает совсем... святым?

Шеннон. Мне казалось – вы бесполое существо, а вы вдруг обернулись женщиной. И знаете, как я об этом догадался? Именно вам, а не мне, нет, не мне доставляет удовольствие то, что я связан. Всем женщинам – сознательно или бессознательно – хочется видеть мужчину связанным. Над этим только они всю свою жизнь и трудятся – связывают мужчину. И считают свою жизненную миссию выполненной и чувствуют удовлетворение только тогда, когда удастся связать мужчину – одного или столько, на сколько хватит сил.

Ханна отходит от спиртовки, охватывает руками стойку веранды и делает несколько глубоких вдохов.

Вам не нравится мое наблюдение? Если башмак жмет ногу

не другому, а самому, мисс Джелкс, это уже не так приятно? А? Опять глубокие вдохи? Страшно стало?

Ханна (беря себя в руки и возвращаясь к чайнику). Я бы очень хотела развязать вас сейчас, но надо подождать, пока у вас пройдет. Вы все еще играете... в распятие... Слишком потекаете себе.

Шеннон. Когда же я себе потакал?

Ханна. А хотя бы вся эта история с учительницами из те-хасского колледжа. Они мне так же малосимпатичны, как и вам. Но ведь, в конце концов, затем ли девушки целый год копили гроши на Мексику, чтобы спать в душных гостиницах и есть всю ту стряпню, которой их там потчевали?! Вдали от дома им хотелось чувствовать себя хорошо, а вы... вы больше потакали себе, мистер Шеннон, обращались с группой как вам заблагорассудится, жили в свое удовольствие.

Шеннон. А какое, к черту, удовольствие жариться в этом аду?

Ханна. Да, но вас-то все-таки хоть утешала маленькая канарейка, которая путешествовала под крылышком своей учительницы пения.

Шеннон. Забавно! Ха-ха! Забавно! Оказывается, старые девы из Нантакета не лишены чувства юмора?

Ханна. Да, как видите, тоже не лишены. Без юмора еще труднее.

Шеннон (ее спокойствие мало-помалу передается ему). Я не вижу, чем вы там заняты, дорогая мисс Джелкс, но готов

присягнуть, что вы решили напоить меня чаем.

Ханна. Именно это я и собираюсь сделать.

Шеннон. Вам кажется, сейчас самое время чаи распивать?

Ханна. А это не совсем чай – маковый настой.

Шеннон. Что, пристрастились к опиуму?

Ханна. Очень мягкое снотворное, помогает от бессонных ночей. Я готовлю для дедушки, для себя, а заодно и для вас, мистер Шеннон, – ночь будет для всех нас нелегкой. Слышите, как дедушка все бормочет строфы новой поэмы? Он как слепой, карабкающийся по лестнице, которая никуда не ведет и обрывается где-то в пространстве. И мне страшно подумать, что это... (Не договорила и снова делает несколько глубоких вдохов.) Шеннон. А вы прибавьте ему сегодня капельку яду в маковый настой, чтоб ему не просыпаться завтра – избавиться от переезда в меблированные комнаты. Совершите акт милосердия. Подсыпьте яду, а я освящу это питье, обращу его в кровь Господню... Черт! Да освободи вы меня сейчас, я бы сам это сделал, стал бы вашим соучастником в этом акте милосердия. Я бы сказал ему: «Вот, пейте кровь нашего...»

Ханна. Замолчите! И не будьте таким ребячески жестоким! Тяжело, мистер Шеннон, когда человек, которого уважаешь, говорит и ведет себя, как жестокий младенец.

Шеннон. А что вы нашли во мне достойного уважения, мисс Будда... Будда в юбке?

Ханна. Я уважаю человека, которому пришлось бороться

за чувство собственного достоинства... и свое...

Шеннон. Какое еще достоинство?

Ханна. Да, за свое достоинство и свое великодушие. Уважаю гораздо больше, чем счастливиц, которым все дано от рождения и у которых потом ничего не отнимают ценою невыразимых страданий. Я...

Шеннон. Хотите сказать – уважаете меня?

Ханна. Да.

Шеннон. Но только что сами говорили, что мне нравится... быть распятым без гвоздей! Нравится... как вы сказали?... не слишком мучительное искупление...

Ханна (прерывая его). Да, но я думала...

Шеннон. Развяжите меня!

Ханна. Скоро, скоро. Потерпите.

Шеннон. Сию минуту!

Ханна. Нет еще, мистер Шеннон. Не могу, пока не буду уверена, что вы не поплывете в Китай. Видите ли, мне кажется, для вас и этот дальний заплыв до Китая – тоже довольно безболезненное искупление грехов. И вы не думаете, что, прежде чем заплывете за риф, заплыв может быть прерван первой же акулой или меч-рыбой. Боюсь, что вы и вправду поплывете. Все очень просто, если вообще что-то может быть просто.

Шеннон. А что бывает просто?

Ханна. Ничего. Все просто только для нищих духом, мистер Шеннон.

Шеннон. И поэтому человека нужно держать связанным?

Ханна. Только чтобы он не пустился вплавь до Китая.

Шеннон. Хорошо, мисс Будда в юбке, прикурите и дайте мне сигарету, и выньте, когда я задохнусь, если и это не покажется вам удобным способом искупления грехов.

Ханна (оглядываясь). Сейчас... только куда же я их положила?

Шеннон. У меня в кармане есть еще пачка.

Ханна. В каком кармане?

Шеннон. Не помню. Придется устроить обыск.

Ханна (ощупывая карманы пиджака). В пиджаке нет.

Шеннон. Поищите в карманах брюк.

Какое-то мгновение она колеблется, такая интимность ее смущает.

Но затем вынимает сигареты у него из кармана брюк.

Теперь прикурите и дайте сигарету мне.

Она повинуется, Шеннон почти сразу закашлялся от дыма, сигарета выпала.

Ханна. Уронили на себя. Где она?

Шеннон (извиваясь в гамаке). Да подо мной, подо мной! Жжет! Развяжите, ради Бога, развяжите! Она меня жжет сквозь брюки.

Ханна. Приподнимитесь, чтобы я могла...

Шеннон. Не могу, веревки режут! Развяжите, развяжи-и-и-те меня-а-а...

Ханна. Нашла! Вот она!

Крики Шеннона привлекли внимание Мэксин.

Мэксин (вбегает на веранду и садится на ноги Шеннону).
Слушайте вы, сумасшедший, несчастный ирландец! Я позволила Лопесу – доктору Лопесу. Помните? Тот самый, в грязной белой куртке, что приходил, когда вы у нас прошлый раз заболели. Который потом отвез вас в сумасшедший дом, где вас бросили в одиночку – там была только параша, солома на полу да водопроводный кран. Вы тогда доползли до крана, грохнулись головой об пол и заработали сотрясение мозга... Так вот, я сказала ему, что вы опять явились сюда и, видно, опять тронулись и что, если вы к утру не уйметесь, придется отправить вас туда же.

Шеннон (прерывая ее звуками, похожими на крики испуганных диких гусей). Уфф, уфф, уфф, уфф, уфф...

Ханна. Миссис Фолк, мистер Шеннон не успокоится, если его не оставить в покое в этом гамаке.

Мэксин. Так почему же вы не оставляете его в покое?

Ханна. Но я не раздражаю его... и надо же... кому-нибудь позаботиться о нем.

Мэксин. И этот «кто-нибудь» – вы?

Ханна. Много лет назад, миссис Фолк, мне довелось ухаживать за человеком в таком же состоянии. И я знаю, как важно дать им время успокоиться.

Мэксин. Но он что-то не был покоен, я слышала, как он орал.

Ханна. Сейчас успокоится. Я готовлю ему снотворное,

миссис Фолк.

Мэксин. Вижу! Потушите немедленно! Здесь никому не разрешается готовить, кроме китайца на кухне.

Ханна. Но ведь это маленькая спиртовочка, миссис Фолк.

Мэксин. Сама знаю. Тушите! (Тушит спиртовку.) Шеннон. Мэксин, дорогая. (Спокойно.) Отстаньте вы от этой леди. Вам ее не запугать. Куда уж сучке до леди!

Слышны крики немцев.

Вольфганг. Eine Kiste Carta Blanca.³² Фрай Фаренкопф. Wir haben genug gehabt... vielleicht nicht?³³ Фаренкопф. Nein! Niemals genug!...³⁴ Хильда. Mutter, du bist click... aber wir sind es nicht.³⁵ Шеннон. Мэксин, вы пренебрегаете своими обязанностями официантки. (Тон его обманчиво мягок.) Немцы требуют ящик пива на пляж. Ну и пошлите им пива... а когда луна зайдет, то я, если только вы выпустите меня из гамака, попытаюсь представить вас себе юной нимфой...

Мэксин. Много от вас радости в теперешнем состоянии.

Шеннон. Да и вы тоже не в том уже возрасте, дорогая моя, не будьте слишком разборчивы.

Мэксин. Ха! (Не очень лестное предложение все-таки приятно этой простой и трезвой душе. Она возвращается к немцам.) Шеннон. А теперь, мисс Джелкс, дайте попробо-

³² Ящик пива «Карта Бланка» (нем.)

³³ Мы уже достаточно выпили... может, не надо? (нем.)

³⁴ Нет! Никогда не бывает достаточно!.. (нем.)

³⁵ Мама, ты толстая, а мы еще не потолстели (нем.)

вать вашего макового чаю.

Ханна. У меня вышел сахар, но есть немного сладкой имбирной настойки. (Наливает чашку питья, пробует.) Еще не настоялся. Но все-таки выпейте немного. (Зажигает спиртовку.) А следующая чашка будет покрепче... (Наклоняется над гамаком и подносит чашку к его губам.) Шеннон (приподымает голову, пьет, но сразу захлебнулся). Тень великого Цезаря! Это надо запивать варевом ведьм из «Макбета».

Ханна. Да, я знаю, горько.

Из-за угла появляются немцы и идут вниз на пляж поплавать при луне и устроить пикник с пивом. Даже в темноте их кожа светится почти фосфорическими красно-золотистыми тонами. Они тащат с собой ящик пива и фантастически раскрашенную резиновую лошадку, поют марш. Появление их похоже на дурной сон.

Шеннон. Демоны ада... с голосами... ангелов.

Ханна. Да, у них это называется «гармонией», мистер Шеннон.

Шеннон (рванувшись вдруг вперед и освобождаясь от ослабевших пут). Вырвался! Освободился! И без посторонней помощи!

Ханна. А я и не сомневалась, что вы сами сможете освободиться, мистер Шеннон.

Шеннон. Во всяком случае, благодарю за участие. (Подходит к столику с вином.) Ханна. Куда вы идете?

Шеннон. Недалеко. К спиртному – приготовить ром-коко.

Ханна. О!

Шеннон (у столика). Кокос? Есть. Мачете? Есть. Ром? Двойную порцию. Лед? Ах ты, пустое ведро. Ну что ж, сегодня ночь теплых напитков. Мисс Джелкс? Хотите причитающееся вам бесплатно ром-коко?

Ханна. Нет, благодарю вас, мистер Шеннон.

Шеннон. Но вы не против, если я выпью?

Ханна. Что вы, мистер Шеннон!

Шеннон. Не станете порицать меня за эту слабость, за то, что я потакаю себе?

Ханна. Алкоголь – не главный вопрос для вас.

Шеннон. А какой же главный, мисс Джелкс?

Ханна. Самый старый в мире – потребность верить во что-нибудь или в кого-нибудь... в кого угодно и во что угодно...

Шеннон. И в тоне вашем полная безнадежность?

Ханна. Нет, я не смотрю на это безнадежно. Я открыла для себя нечто, во что можно верить.

Шеннон. Нечто, вроде... Бога?

Ханна. Нет.

Шеннон. А что же?

Ханна. В распахнутые настежь двери, в открытые двери от человека к человеку... пусть они будут открыты на одну только ночь.

Шеннон. Остановка на одну ночь?

Ханна. Настоящая близость между людьми... вот так, на веранде, возле... их комнат, хотя бы на одну ночь, мистер

Шеннон.

Шеннон. Физическая близость?

Ханна. Нет.

Шеннон. Я так и думал. Но тогда какая же?

Ханна. Я говорю о близости, которая помогает понять друг друга, о готовности помочь друг другу в такие ночи, как эта.

Шеннон. Кто был человек, о котором вы говорили вдове?.. Тот, кому вы помогли во время такого же припадка, как у меня?

Ханна. Ах, это... Я сама.

Шеннон. Вы?

Ханна. Да. Я могу помочь вам, потому что сама прошла через то, что у вас теперь. И у меня был свой призрак. Только я по-другому называла его. Я звала его «синим дьяволом»... И у нас бывали настоящие битвы, жестокие состязания.

Шеннон. В которых вы явно одержали победу.

Ханна. Да. Я не могла позволить себе быть побежденной.

Шеннон. И как же вы побороли своего «синего дьявола»?

Ханна. Я доказала ему, что в состоянии не поддаваться ему, и заставила его уважать свою стойкость.

Шеннон. Каким образом?

Ханна. Просто не сдавалась, только и всего. И призраки, и «синие дьяволы» уважают стойкость и чтут все хитрости, на которые пускаются испуганные бедняги, чтобы вынести и побороть свои страхи.

Шеннон. Вроде макового настоя?

Ханна. И маковый настой, и ром-коко или просто несколько глубоких вдохов – все что угодно, все, что мы делаем, чтобы ускользнуть от них и продолжать свой путь.

Шеннон. Куда?

Ханна. Куда-нибудь... вот к такой пристани после долгих, томительных странствий, к такой веранде над морем и зелеными зарослями. Я говорю не только о странствиях по свету, по земле, но и о тех скитаниях, которые выпадают на долю всех, кого преследуют призраки и «синие дьяволы»... – по темным глубинам самих себя.

Шеннон (сардонически улыбаясь). Только не рассказывайте, что и у вас есть такие темные глубины.

Ханна. Я уверена, что такому искушенному и образованному человеку, как вы, мистер Шеннон, и без слов ясно, что во всем, решительно во всем есть своя теневая сторона.

Бросив на Шеннона взгляд, замечает, что он не слушает ее, а пристально всматривается куда-то. Это та сосредоточенная отрешенность, которая иногда наблюдается при тяжелых нервных расстройствах. Она поворачивается, чтобы разглядеть, что привлекло его внимание, затем на минуту закрывает глаза, глубоко вздыхает и продолжает говорить тоном гипнотизера – Шеннон не слушает, что она говорит, она понимает это, и на него может подействовать только тон и ритм ее речи.

Все, что существует под солнцем, имеет теневую сторону,

кроме самого солнца... Солнце – единственное исключение. Но вы не слушаете...

Шеннон (будто отвечая ей). Он там, мой призыв, в зарослях! (И вдруг с силой запускает скорлупой кокоса вниз; слышны крики встревоженных птиц.) Вот это удар! Прямо в морду! Все зубы выбил, как зерна из кукурузного початка.

Ханна. И он помчался к зубному врачу?

Шеннон. Сейчас он временно отступил, но завтра – только сяду завтракать, снова появится со своей улыбочкой, от которой молоко в кофе скисает, а смердеть от него будет, как от пьяного гринго в мексиканской каталажке, проспавшего ночь в собственной блевотине.

Ханна. Если проснетесь раньше, чем я уйду, я принесу вам кофе... только позовите.

Шеннон (его внимание снова обращается к ней). Нет, даст Бог, вы уже уедете к тому времени.

Ханна. Может быть – да, может быть – нет. Надо что-то придумать, как-то задобрить вдову.

Шеннон. Она не из тех, кого можно задобрить, дорогая моя.

Ханна. А мне кажется, я что-нибудь придумаю, именно потому, что это необходимо. Не могу же я допустить, чтобы дедушка оказался в тех меблированных комнатах, мистер Шеннон. Так же, как не могла позволить вам плыть в Китай. Вы это знаете. И если, чтобы все это предотвратить, нужно поломать себе хорошенько голову, то за изобретательностью

дело не станет.

Шеннон. А как вы справились со своим нервным припадком?

Ханна. А у меня никогда его и не было. Я не могу себе позволить такой роскоши. Правда, однажды я чуть было не поддалась. Когда-то и я была молода, мистер Шеннон, но я из тех, кто был молод, не зная молодости. А не чувствовать себя молодой, когда молода, – очень печально. Но мне повезло. Моя работа – рисование, эта терапия трудом, которую я себе прописала, – рисование заставило меня смотреть не только внутрь, но и вокруг себя, и постепенно в дальнем конце туннеля, из которого я так стремилась вырваться, я увидела слабый, еще очень неясный серый свет – свет мира, который был вне меня, и я что было сил продолжала пробиваться к нему. Нужно было...

Шеннон. Он так и остался серым, этот свет?

Ханна. Нет, нет, стал белым.

Шеннон. Только белым и никогда не был золотым?

Ханна. Нет, всегда белым. Но ведь белый свет так ярок... и его далеко видно в длинном темном туннеле, которому, кажется, конца не будет, и только Бог или смерть могут вывести из него... тем более если человек... как я, к примеру... не очень уверен в том, что есть Бог на свете.

Шеннон. А вы все еще не очень уверены?

Ханна. Может быть, не так не уверена, как прежде. Видите ли, при моей работе я должна пристально и вблизи взгляды-

ваться в лицо человека, чтобы что-то схватить в нем прежде, чем он забеспокоится и крикнет: «Официант, счет! Мы уходим». Конечно, иногда – случается и такое – видишь только круглый комок теста, в котором вместо глаз торчат кусочки желе, и это сходит за лицо человеческое. Тогда я намекаю дедушке, чтобы он почитал стихи, – я не могу рисовать такие лица. Но они не так уж часто встречаются. И мне кажется, что это не настоящие лица. Большею частью мне удается что-то увидеть в лице человека, и я могу это схватить, могу... так же, как я что-то схватила и в вашем лице, когда рисовала вас сегодня... Вы слушаете?

Он присел на пол возле ее стула, напряженно глядя на нее.

В Шанхае, мистер Шеннон, есть место, которое называется Дом умирающих, – для старых нищих, для умирающих бедняков. Их дети и внуки – бедняки и приводят их туда... умирать на соломенных матах. В первое посещение меня это потрясло, и я убежала. Но потом снова пришла и увидела, что их дети и внуки и сторожа дома положили на соломенные маты возле их смертного ложа вещи, которые должны были их утешить, – цветы, трубки опиума, какие-то религиозные эмблемы. Это дало мне силу прийти снова и рисовать лица умирающих. У некоторых оставались живыми только одни глаза. Но, поверьте, мистер Шеннон, эти глаза умирающих бедняков, возле которых лежали последние маленькие знаки внимания к ним, глаза, с последними неясными проблесками жизни, – уверяю вас, мистер Шеннон, – светили

ясно, как звезды Южного Креста. А теперь... я сделаю вам признание, на которое, пожалуй, только старая дева, внучка поэта-романтика, и способна... За всю свою жизнь я не видела ничего прекраснее, чем эти глаза... включая даже вид с этой веранды между небом и морем... и последнее время... последнее время дедушка смотрит на меня такими глазами. (Резко поднимается и подходит к краю веранды.) Скажите, что это за звуки я все время слышу оттуда?

Шеннон. Джаз в ресторане, на берегу.

Ханна. Я не о том. Я спрашиваю, кто там царапается и все время шуршит под верандой?

Шеннон. Ах, это... Мексиканцы поймали игуану и привязали к столбу под верандой. Ну а она, само собой, рвется на волю... натянет веревку до отказа, и – стоп. Ха-ха-ха, вот и все... (Повторяет строки дедушкиной поэмы: «Ветвь апельсина смотрит в небо...» и т. д.) Скажите, мисс Джелкс, у вас есть какая-нибудь личная жизнь? Кроме акварелей, рисунков, путешествий с дедушкой?

Ханна. Мы с дедушкой создаем друг другу дом. Вы понимаете, что я хочу сказать? Не то, что это значит для всех, – не крыша над головой, не свой очаг. Для меня дом – это... не место, не здание... не постройка из дерева, кирпича, камня. Мой дом – это то, что связывает двух людей, то, в чем каждый из них... находит себе приют и покой... Может быть, звучит чуть приподнято, но вы ведь понимаете меня, мистер Шеннон?

Шеннон. Да, и очень хорошо, но только...

Ханна. Опять вы недоговариваете...

Шеннон. Лучше недоговорю... А то могу брякнуть такое, что причину вам боль.

Ханна. Я не так чувствительна, мистер Шеннон.

Шеннон. Ну что ж, тогда скажу. (Подходит к столику со спиртным.) Если птице надо свить гнездо, чтобы жить в нем, она не станет его вить на дереве, которое может упасть.

Ханна. Я не птица, мистер Шеннон.

Шеннон. Это только метафора, мисс Джелкс.

Ханна. И, кажется, уже вторая порция ром-коко?

Шеннон. Верно. Так вот, когда птица вьет гнездо, ей кажется, что она вьет его надолго... что вьет его во имя великой цели спаривания, продолжения рода.

Ханна. Повторяю, мистер Шеннон, я не птица. Я принадлежу к роду человеческому – так неужели, когда одно существо этой фантастической породы свивает себе гнездо в сердце другого, надо прежде всего думать – надолго ли? Неужели без этого нельзя?.. Только так?.. В последнее время и дедушке, и мне все напоминает о недолговечности всего сущего. Едем в гостиницу, где бывали не раз, – а ее уже нет. Снесли. И на ее месте один из этих холодных отелей-модерн из стекла и железа. А если старая гостиница на месте – хозяйина или метрдотеля, которые всегда сердечно встречали нас, уже заменил другой, и он смотрит на нас так подозрительно.

Шеннон. Да, но вы вдвоем...

Ханна. Вдвоем.

Шеннон. А когда старый джентльмен уйдет из мира?

Ханна. Да?..

Шеннон. Что вы будете делать? Остановитесь?

Ханна. Остановлюсь... или буду продолжать путь... Вероятно, буду жить дальше...

Шеннон. Одна? Одна приезжать в отели, в одиночестве есть в углу за столиком на одного?

Ханна. Благодарю за участие, мистер Шеннон, но моя профессия учит быстро находить общий язык с чужими и быстро превращает их в друзей.

Шеннон. Заказчики – не друзья.

Ханна. Становятся друзьями, если в них есть дружелюбие.

Шеннон. Да, но каково вам будет путешествовать одной после стольких лет путешествий с...

Ханна. А вот испытаю – тогда и буду знать каково. И потом, не говорите об одиночестве так, будто оно неведомо другим людям. Например, вам.

Шеннон. Я всегда разъезжал с целым вагоном, самолетом, автобусом туристов.

Ханна. Но это вовсе не значит, что вы не были одиноки.

Шеннон. Мне всегда удавалось сблизиться с кем-нибудь в группе.

Ханна. Да, с какой-нибудь туристочкой помоложе. Я была на веранде, когда последняя из них продемонстрировала здесь, до какой степени вы оставались одиноким в этих

сближениях... Этот эпизод в холодном, неприятном номере отеля, после которого вы презирали девушку не меньше, чем самого себя!.. А как вы были с ней вежливы! От любезностей, которые вы оказывали в благодарность за удовольствие, должно быть, мороз подирал по коже. Ваши истинно джентльменские манеры, благородство, которое вы выказали по отношению к ней... Нет... Нет, Шеннон, не обманывайте себя, будто были не одиноки. Вы тоже всегда путешествовали в одиночестве. Разве что ваш призрак составлял вам компанию. А больше у вас никогда никого и не было.

Шеннон. Спасибо, мисс Джелкс, на добром слове...

Ханна. Не стоит благодарности, мистер Шеннон. А теперь надо согреть маковый настой для дедушки. Только хороший отдых может дать ему силы – ведь завтра снова в путь.

Шеннон. Ну что ж, если разговор кончен, пойду поплаваю...

Ханна. В Китай?

Шеннон. Нет, не в Китай. Поближе... вон на тот островок с маленьким баром «Кантина серена».

Ханна. Зачем?

Шеннон. Видите ли, я не особенно хорош в пьяном виде, и сейчас у меня так и вертится на языке один не очень приличный вопрос.

Ханна. Спрашивайте. Сегодня – вечер вопросов без всякой цензуры.

Шеннон. А ответы тоже не подвергаются цензуре?

Ханна. В разговоре между нами именно так, мистер Шеннон.

Шеннон. Ловлю на слове.

Ханна. Пожалуйста.

Шеннон. Договор уже вступил в силу.

Ханна. Только прилягте в гамак и выпейте еще чашку макового настоя. Сейчас он горячий и немного послаще от имбирной настойки – легче проглотить.

Шеннон. Хорошо! А вопрос вот какой: неужели у вас ни разу не было любовной истории?

В позе Ханны на мгновение появляется напряженность.

Вы, кажется, сказали, можно задавать любые вопросы...

Ханна. Давайте, действительно, заключим договор: я отвечу на ваш вопрос, когда вы выпьете полную чашку настоя, чтобы хорошенько выспаться, – сегодня вам это тоже совершенно необходимо. Он такой горячий сейчас (пробует настой) и – вполне сносный.

Шеннон (беря чашку). Надеетесь, меня сразу начнет клонить ко сну и удастся увильнуть, не уплатив по договору?

Ханна. Я не такой мелкий жулик. Пейте. Всю, всю, до дна.

Шеннон (с гримасой отвращения пьет). О тень великого Цезаря! (Бросает чашку за парапет веранды и, посмеиваясь, падает в гамак.) Яд, которым на Востоке травили неповинные души, да? Сядьте, дорогая мисс Джелкс, чтобы я мог вас видеть.

Она садится поодаль, на стул с прямой спинкой.

Так, чтобы видеть! У меня на затылке нет рентгеновского аппарата, мисс Джелкс.

Она подвигает свой стул к гамаку.

Ближе, ближе, сюда!

Она повинуется.

Вот так. А теперь отвечайте, дорогая мисс Джелкс.

Ханна. Может быть, вы будете добры повторить свой вопрос?

Шеннон (медленно и с ударением). Неужели за всю вашу полную скитаний жизнь не было хоть одного случая, хоть одной встречи, которая на языке этого психа, Ларри Шеннона, называется любовной историей?

Ханна. С людьми случаются вещи похуже целомудрия, мистер Шеннон.

Шеннон. Да, сумасшествие и смерть, может быть, даже хуже. Но ведь целомудрие – не западня, в которую красивую женщину или привлекательного мужчину увлекают обманом. (Небольшая пауза.) Мне кажется, вы все увиливаете от выполнения условий договора, и я... (Приподымается в гамаке.) Ханна. Мистер Шеннон, для меня эта ночь – такая же мука, как и для вас. Но это вы не выполняете договора – не лежите в гамаке. Ложитесь сейчас же... Ну... да... Да, у меня было два таких случая в жизни, вернее, две такие встречи.

Шеннон. Вы сказали – две?

Ханна. Да, две... и я не соврала. Только не говорите сразу: «Фантастика!», не выслушав. Когда мне было шестнадцать, –

кстати, ваш любимый возраст, мистер Шеннон, – дедушка давал мне каждую субботу тридцать центов – мое жалование за секретарскую работу и за ведение хозяйства. Двадцать пять центов на билет на утренник в кино в Нантакете и пять – на кулек воздушной кукурузы. Садилась я в задних рядах полупустого кинотеатра, чтобы не было слышно, как я грызу свою кукурузу. Однажды рядом сел молодой человек и... прижался своим коленом к моему. Я пересела через два кресла, он – тоже и опять рядом со мной и жмет мне колено. Я вскочила и закричала, мистер Шеннон. Его тут же арестовали за то, что приставал к несовершеннолетней.

Шеннон. И что же, он так все еще и сидит в нантакетской тюрьме?

Ханна. Нет. Я его выручила. Сказала в полиции, что показывали фильм ужасов... и мне уже Бог знает что померещилось.

Шеннон. Фантастика!

Ханна. Да, пожалуй. Второй случай – совсем недавно, всего два года тому назад. Мы с дедушкой жили в Сингапуре, в отеле «Рэффлс». Мы очень хорошо зарабатывали, ни в чем себе не отказывали. Там и познакомились с одним австралийцем, коммивояжером, – человек средних лет, совершенно безликий. Толстый, лысый, с убогими претензиями на светскость, навязчивый. Выглядел он довольно одиноким. Дедушка прочел ему свои стихи, я – сделала портрет, польстив ему без зазрения совести. Он заплатил мне больше,

чем обычно, и дал дедушке пять малайских долларов. И купил еще акварель. Дедушке пришло время ложиться. Коммивояжер пригласил меня покататься в сампане. Ну что ж, он был так щедр... Я согласилась. Да, согласилась. Дедушка пошел спать, а я поехала кататься с этим коммивояжером, торговавшим дамским бельем. Я заметила, что он все больше и больше...

Шеннон. Что?

Ханна. Ну, словом, приходил в возбуждение... когда солнце стало заходить, и его отблеск стал тускнеть на воде. (Грустно посмеивается.) И вот он наконец придвинулся ко мне... мы сидели в лодке друг против друга... и напряженно и страстно стал глядеть мне в глаза... (Снова смеется.) И тут он сказал: «Мисс Джелкс! Можете оказать мне услугу? Пожалуйста, сделайте это для меня!» – «Что?» – спросила я. «Я повернусь к вам спиной и не буду смотреть, а вы... пожалуйста, снимите с себя что-нибудь... и дайте мне подержать. Только подержать!»

Шеннон. Фантастика!

Ханна. «На несколько секунд», – сказал он. «А зачем?» – спросила я. (Снова грустно смеется.) Он не сказал зачем, но...

Шеннон. И как же вы повели себя в подобной ситуации?

Ханна. Я... выполнила его просьбу. А он сдержал слово. Сидел отвернувшись, пока я не сказала, что готова, и бросила ему... часть своей одежды...

Шеннон. А он?

Ханна. Он не двинулся, лишь подхватил то, что я бросила. И пока он держал это в руках, я смотрела в другую сторону.

Шеннон. Значит, надо опасаться коммивояжеров на Дальнем Востоке – такова мораль, мисс Джелкс?

Ханна. О нет, мораль – восточная. Надо смириться с тем положением, которое ты не в силах исправить.

Шеннон. Если это неизбежно, не сопротивляйся и получи удовольствие, – так, что ли?

Ханна. Он купил у меня акварель. Конечно, все это было противно, но не жестоко. Я ушла, и он не приставал. А самое смешное – когда мы вернулись в отель, он вынул из кармана эту часть моего туалета, как застенчивый мальчишка, который хочет подарить учителю яблоко, и попытался в лифте всунуть мне в руку. Я не хотела брать и шепнула: «Оставьте, пожалуйста, себе, мистер Уиллоби!» Он же заплатил за акварель, сколько я спросила, и весь этот случай был даже трогательным, то есть там было так одиноко, в этом сампане, – и эти лиловые полосы в небе, и низенький пожилой австралиец, который так дышал, словно умирал от астмы! И Венера, всходявшая из-за облака над Малаккским перешейком...

Шеннон. И этот случай вы называете...

Ханна. Любовной историей?.. Да, так и называю.

Он недоверчиво смотрит, впиваясь в нее взглядом, она смущена и готова воспротивиться.

Шеннон. Этот... этот печальный, грязный эпизодик вы

называете...

Ханна (резко перебивая). Конечно, печальный для того чудака. Но почему вы называете его грязным?

Шеннон. А как вы почувствовали себя, когда вошли к себе в спальню?

Ханна. Смущенной... да, немного смущенной... Я знала, что такое одиночество... но не в такой степени... не такое бездонное...

Шеннон. И это не вызвало у вас отвращения?!

Ханна. Ничто человеческое не вызывает во мне отвращения, кроме злобы и жестокости. Я же говорила, он был очень мягок, чувствовал себя виноватым и вел себя деликатно. Все это было скорей уж фантастично.

Шеннон. Вы...

Ханна. Что я? «Фантастика»?

Во время их разговора то и дело слышится бормотание дедушки.

И вдруг голос его становится отчетливым и громким.

Дедушка.

...а затем На землю ляжет, тих и нем...

И снова – только неясное бормотание. Стоя позади Ханна, Шеннон кладет руку ей на шею.

Ханна. А это зачем? Решили меня удавить, мистер Шеннон?

Шеннон. Вы не выносите простого прикосновения?

Ханна. Поберегите их для вдовы. Это не для меня.

Шеннон. Вы правы. (Снимает руку.) С миссис Фолк, с этой неутешной вдовой, все просто, а с вами нет.

Ханна (сухо, но весело). Старые девы проигрывают, а вдовушки выигрывают, мистер Шеннон.

Шеннон. Или вдовушки проигрывают, а старые девы выигрывают. Похоже на старомодные игры в какой-нибудь гостиной на острове в Нантакете. Или в Виргинии. Но вот о чем я думаю...

Ханна. О чем?

Шеннон. А что, если бы нам вместе... странствовать? Только странствовать? Вместе?

Ханна. А как вам кажется? Смогли бы мы?

Шеннон. Почему бы и нет?

Ханна. Мне кажется, утром безрассудность этой идеи станет для вас гораздо яснее, мистер Шеннон. (Складывает веер и встает.) Утро всегда помогает нам вернуться к действительности... Спокойной ночи, мистер Шеннон. Пока я не слишком устала, соберу вещи.

Шеннон. Не уходите, не оставляйте меня здесь одного...

Ханна. Нужно сложить вещи сейчас, тогда на рассвете можно сходить попытать счастья на площади.

Шеннон. Да не продадите вы завтра ни одной акварели, ни одного рисунка в этом пекле, на площади. Мисс Джелкс, дорогая, по-моему, вы рассуждаете не очень реалистически.

Ханна. А если бы я думала, что мы сможем странствовать вместе, я была бы большим реалистом?

Шеннон. Все еще не вижу, почему это так уж невозможно.

Ханна. Мистер Шеннон, вы недостаточно здоровы, чтобы вообще... сейчас ехать куда-нибудь... с кем бы то ни было. Это жестоко сказано?

Шеннон. По-вашему, я завяз здесь навеки? И смирюсь с неутешной вдовой?

Ханна. Все мы в конце концов смиряемся с чем-то или с кем-то. И хорошо еще, может быть, это даже счастье – если с кем-то, а не с чем-то. (Хочет войти к себе, но на пороге останавливается.) А завтра... (Касается пальцами лба не то от смущения, не то от усталости.) Шеннон. Что завтра?

Ханна (с трудом). Мне кажется, завтра... пожалуй, нам лучше не проявлять особого интереса друг к другу... Миссис Фолк болезненно ревнива.

Шеннон. Вот как?

Ханна. Да, и, кажется, неверно поняла наш... интерес, наше участие друг к другу. И лучше уж избегать долгих бесед на веранде. То есть пока она не успокоится окончательно, может быть, хорошо бы ограничиться только пожеланиями друг другу доброго утра или спокойной ночи.

Шеннон. Можно и этого не говорить.

Ханна. Я буду говорить, а вы можете и не отвечать.

Шеннон (взбешенный). А не начать ли нам перестукиваться, как заключенным в тюрьме? Как в одиночных камерах, через стенку? Один раз стукнешь: я здесь. Два раза: вы здесь? Три: да, я здесь. Четыре раза: как хорошо, значит, мы

вместе. Боже мой!.. Вот, держите! (Выхватывает из кармана золотой крест.) Берите крест и заложите его. Вещь червонного золота.

Ханна. Что вы делаете, вы...

Шеннон. Здесь дорогой аметист, за него дадут столько, что сможете вернуться в Штаты.

Ханна. Бог знает что вы говорите, мистер Шеннон.

Шеннон. И вы тоже, мисс Джелкс. Вы говорите о завтрашнем дне и...

Ханна. Я только сказала, что...

Шеннон. Завтра вас здесь не будет! Вы забыли? Не будет!..

Ханна (смущенно и чуть растерянно улыбаясь). Да, забыла.

Шеннон. Вдова хочет, чтобы вас здесь не было, и вас не будет, даже если бы вы продавали свои акварели, как горячие пирожки на площади. (Смотрит на нее, безнадежно качая головой.) Ханна. Пожалуй, вы правы, мистер Шеннон. Просто я очень устала и плохо соображаю... или заразилась от вас малярией. Мне вдруг показалось на минуту, что...

Голос дедушки (неожиданно). Ханна!

Ханна (подбегает к его двери). Да! Что случилось, дедушка?

Он не слышит ее и зовет еще громче.

Я здесь, здесь!

Голос дедушки. Не входи, но будь рядом, чтобы я мог позвать тебя.

Ханна. Да, да... Я услышу тебя, дедушка. (Делает глубокий вдох и поворачивается к Шеннону.) Шеннон. Слушайте, если вы не возьмете этот крест, который я уже никогда не надену, я запущу им с веранды прямо в призрака в джунглях. (Размахивается.) Ханна (хватает его за руку). Хорошо, мистер Шеннон, я возьму. И сберегу для вас.

Шеннон. Заложите его, дорогая, вы должны это сделать.

Ханна. Хорошо, но тогда я пошлю вам закладную квитанцию, чтобы вы могли выкупить. Он вам понадобится, когда вы одолеете свою лихорадку. (Идет как слепая и чуть не входит не в свою комнату.) Шеннон (мягко). Это не ваша. Вы прошли мимо.

Ханна. Да, действительно, простите. Никогда еще не чувствовала себя такой разбитой. (Опять оборачивается посмотреть на него.)

И он пристально смотрит на нее.

(Словно слепая, глядит куда-то мимо Шеннона.) Никогда! Небольшая пауза.

Что это за шум все время из-под веранды, словно кто-то скребется?

Шеннон. Я уже говорил вам.

Ханна. А я не слышала.

Шеннон. Сейчас возьму фонарик и покажу. (Быстро скрывается в своей комнате и возвращается с электрическим фонариком.) Это игуана. Я вам ее покажу. Видите?.. Игуану. На привязи. Видите, как она рвется на волю, а эта проклятая

веревка не пускает ее? Как и вас... Как меня!.. Как дедушку с его последней поэмой...

Пауза. Слышится пение с берега.

Ханна. А что это... что это – игуана?

Шеннон. Такая ящерица... очень большая, гигантская.

Ребята-мексиканцы поймали и привязали.

Ханна. Зачем?

Шеннон. Они всегда так делают, привязывают игуану, она у них жиреет, а когда разжиреет как следует – съедают. Это ведь деликатес. Мясо напоминает белое куриное. По крайней мере так кажется мексиканцам. А потом для ребят забава – выкальвают палками глаза, спичкой поджигают хвост. Понимаете? Смешно, да? Нравится вам?

Ханна. Мистер Шеннон, ради Бога, пойдите отпустите ее.

Шеннон. Не могу.

Ханна. Почему?

Шеннон. Миссис Фолк желает полакомиться. А я должен угождать миссис Фолк. Я в ее власти. К ее услугам!

Ханна. Не понимаю, не понимаю, как человек может есть ящерицу.

Шеннон. Не будьте так строги. Будете голодны по-настоящему, тоже не откажетесь. Вы плохо себе представляете, на что способен человек, когда голоден, до чего может прийти. А в мире пока что так много голодных. Много, без счета, поумирало, но сколько еще живет и голодает. Поверьте мне. Да вот, вез я как-то группу своих... дам по стране, которую

не стану называть, но она существует. Ехали мы вдоль побережья, в тропиках, и вдруг увидели большую кучу отбросов... вонь была чудовищная! Одна из моих дам спрашивает: «Ларри, что это?» Меня зовут Лоренс, но кое-кто из дам предпочитает просто Ларри. Я не употребил того слова, которое бы точно обозначило содержимое этой кучи. Я считал, что уточнение излишне. Но вдруг эта дама, а вслед за ней и я заметили возле этой кучи двух стариков – туземцев этой неназванной страны. Они были почти голые, если не считать жалких лохмотьев, не прикрывавших их наготы. Еле передвигая ноги, они тащились вокруг этой кучи, что-то в ней выискивая.

Пауза. Ханна издает звук, будто спазм перехватил ей горло, и бежит с веранды вниз.

(Продолжает говорить – самому себе, луне.) Почему я все это ей говорю? Потому что это – правда жизни? Однако, чтобы сообщить лишь это, не стоило и речь заводить... Да. Именно потому, что это правда, и не надо было ей говорить. Разве чтобы объяснить... что там, в этой неназванной стране, я впервые почувствовал это постепенное или внезапное, предопределенное или случайное... безумие... Безумие и распад юного мистера Лоренса Шеннона, да, тогда еще молодого мистера Лоренса Шеннона... То была его последняя группа дам, гидом которой он был в тропических странах... Почему я сказал в «тропических»? Черт возьми! Да! Я всегда возил своих дам в тропические страны. Может быть,

это... может быть, а?.. что-нибудь да значит? Вполне возможно. В жарком климате, душном и влажном, распад идет быстрее, и я бросался на них, как... Недосказанная фраза!.. Каждый раз соблазнял одну, двух, а то трех или четырех в группе, но прежде я всегда опустошал ее душу, показывая ей... что?.. всякие ужасы? Да, ужас жизни... в тропиках... У меня путаются мысли, мозг отказывается работать... Так что ж, остаюсь здесь и до конца своей жизни буду при вдове?! Правда, она уже стара и, может быть, умрет раньше меня. Да, вполне возможно, она загнется первой, а я... если годика два буду заниматься тут ее ублажением... я, чего доброго, стану скорбеть об утрате... Жестокость?.. Или жалость?.. Не знаю! Знаю только...

Ханна (снизу). Разговариваете сами с собой?

Шеннон. Нет, с вами. Я знал, что вы меня слышите оттуда. А когда я вас не вижу, мне легче это сказать...

Дедушка.

И будет ствол еще годами Вступить с жарой и холодами Все в ту же сделку, а затем...

Ханна (поднимаясь на веранду). Я все смотрела на эту игуану...

Шеннон. Да? Ну и как? Мила? Привлекательна?

Ханна. Нет, в этом создании нет ничего привлекательного. И тем не менее ее надо отпустить.

Шеннон. Знаете, если игуану привязать за хвост, она его откусывает, чтобы вырваться.

Ханна. Эту привязали за горло. Она не может откусить себе голову, чтобы убежать, мистер Шеннон. Можете вы посмотреть мне прямо в глаза и честно сказать, что вы не уверены в том, что она тоже способна испытывать страх и боль?

Шеннон. Вы хотите сказать, что и игуана – создание Божье?

Ханна. Да, если вы так ставите вопрос. Мистер Шеннон, развяжите, пожалуйста, веревку, отпустите ее на волю! Если вы этого не сделаете, я сама...

Шеннон. А можете вы посмотреть мне прямо в глаза и честно сознаться, что это пресмыкающееся, привязанное там внизу, не беспокоило бы вас так, если бы его мучения не напоминали бы вам, мисс Джелкс, предсмертные усилия вашего дедушки закончить свою последнюю поэму?!

Ханна. Да, я...

Шеннон. Можете не заканчивать фразу. Давайте поиграем сегодня в Бога, как детишки играют с поломанными ящичками и корзинками – в дом. Идет? Сейчас Шеннон с мачете в руках сойдет вниз и отпустит эту проклятую ящерицу на волю. Пусть себе бежит в кусты. Потому что Бог этого не делает, не отпустит ее, так давайте мы с вами сыграем в Бога.

Ханна. Я знала, что вы это сделаете. Спасибо вам...

Шеннон спускается вниз с мачете в руках. Склоняется около кактусов, скрывающих игуану, перерубает веревку быстрым, сильным ударом мачете.

Смотрит, как убегает невидимая зрителю ящерица. Неяс-

ное бормотание, слышавшееся из третьего номера, становится громче, а затем вдруг прерывается громким криком.

Дедушка. Ханна! Ханна! (Выезжает в своем кресле на колесах.) Ханна (подбегает). Дедушка! Что случилось?

Дедушка. Мне кажется, я ее... закончил! Скорей! Пока не забыл! Карандаш! Бумагу! Скорей! Пожалуйста! Готово?

Ханна. Да. Все готово, дедушка.

Дедушка (громко, возбужденно).

Ветвь апельсина смотрит в небо Без грусти, горечи и гнева.

Она, безмолвие храня, Следит за угасаньем дня.

В какой-то вечер, с этим схожий, Она пройдет зенит свой тоже И канет в ночь, и вновь начнет История круговорот.

И будет ствол еще годами Вступать с жарой и с холодами Все в ту же сделку, а затем На землю ляжет, тих и нем.

А после дерево другое, Зеленое и золотое, Шатром листвы укроет вновь Земную грязную любовь.

И смотрит ветвь с плодами в небо Без грусти, горечи и гнева.

Она, безмолвие храня, Следит за угасаньем дня.

О сердце робкое, ужели Не выучилось ты доселе Отваге тихой и простой У этой ветви золотой?

Все записала?

Ханна. Да.

Дедушка. Ничего не пропустила?

Ханна. Все до единого слова.

Дедушка. Поэма закончена?

Ханна. Да.

Дедушка. О Боже! Наконец закончена?

Ханна. Да, наконец закончена. (Плачет.)

С берега слышно пение.

Дедушка. Долго мы ждали этой минуты.

Ханна. Да, долго.

Дедушка. Но ведь она хороша? Правда, хороша?

Ханна. Она... она...

Дедушка. Что?

Ханна. Прекрасна, дедушка! (Вскакивает, прижав к губам кулак.) О дедушка, я так счастлива за тебя! Спасибо тебе, ты написал такую чудесную поэму! Стоило так долго ждать. Теперь ты сможешь уснуть, дедушка?

Дедушка. А завтра ее отпечатают на машинке?

Ханна. Да, завтра ее перепечатают, и я пошлю в журнал.

Дедушка. А? Я не расслышал, Ханна.

Ханна (громко). Завтра она будет перепечатана, и я отошлю ее в журнал. Ты же знаешь, ее давно ждут.

Дедушка. Да... А сейчас я бы хотел помолиться.

Ханна. Спокойной ночи. Спи, дедушка. Ты закончил самую чудесную из своих поэм.

Дедушка (сникнув, тихо). Да, спасибо... благодарю... Бога.

На веранде появляется Мэксин в сопровождении Педро, который тихо наигрывает на губной гармонике. Мэксин при-

готовилась к ночному плаванию. На плечи наброшено яркое полосатое мохнатое полотенце, приближение ночи заметно смягчило ее. На губах блуждает слабая улыбка, напоминающая спокойную, безликую, всепонимающую улыбку высеченных из камня египетских или восточных головок.

Мэксин (подходит к гамаку, держа в руках ром-коко, но обнаруживает, что в гамаке – никого, а веревки валяются на полу. Тихо, Педро). Shannon ha escapado!³⁶

Педро невозмутимо продолжает играть.

(Откидывает назад голову и кричит.) Шеннон!

Эхо в горах повторяет ее крик.

Педро (подходит ближе и указывает вниз, под веранду). Mire! Allí esta Shannon.³⁷

Из-под веранды появляется Шеннон, в руках мачете и обрывок веревки.

Мэксин. Шеннон! Что вы там делаете?

Шеннон. Обрубил веревку и отпустил на волю одно из созданий Божьих.

Ханна, стоявшая неподвижно, с закрытыми глазами, позади кресла, тихонько катит его к комнате дедушки и выходит из полосы лунного света.

Мэксин (спокойно, проявляя терпение). Зачем вы это сделали, Шеннон?

Шеннон. Чтобы хоть одно создание Божье могло целым,

³⁶ Шеннон сбежал! (исп.)

³⁷ Смотрите! Вон он, Шеннон (исп.)

невредимым и свободным прибежать к себе домой... Маленький акт милосердия, Мэксин.

Мэксин (улыбаясь, но чуть сурово). Подите сюда, Шеннон, я хочу поговорить с вами.

Шеннон (подымаясь на веранду, пока Мэксин позвякивает кусочками льда в скорлупе кокоса). О чем нам говорить, вдова Фолк?

Мэксин. Спустимся к морю и поплаваем в этом струящемся лунном свете... (Посмотрев на Педро, бросает ему.) Vamos.³⁸

Тот пожимает плечами и уходит. Звуки гармоники замирают вдали.

Шеннон. Где вы набрались таких поэтических выражений?

Мэксин. Я хочу, чтобы вы остались здесь, со мной.

Шеннон (отбирая у нее ром-коко). Нужен собутыльник?

Мэксин. Просто хочу, чтобы вы были здесь. Я теперь одна, нужен помощник... вести дело.

Ханна зажигает спичку, закуривает.

Шеннон (смотрит на нее). Я хочу запомнить это лицо... Я его больше не увижу...

Мэксин. Пойдемте на пляж.

Шеннон. Под гору я еще могу спуститься, Мэксин, но наверх... уже не взберусь...

Мэксин. Я сама поведу вас в гору. (Идут через заросли, к

³⁸ Здесь: уходи, убирайся (исп.)

тропинке.) Еще каких-нибудь пять-десять лет я могу привлекать мужскую клиентуру... по крайней мере пожилых мужчин. А вы, Шеннон, сделаете наш отель более привлекательным для сопровождающих их дам. Вот зачем вы здесь нужны. Сами знаете, Шеннон.

Шеннон усмехается. Они идут вниз по тропинке. Мэксин ведет его, поддерживая под руку. Их голоса мало-помалу замирают. Ханна входит в комнату бабушки и, оставив там свою сигарету, возвращается с шалью. Останавливается между дверью и креслом деда.

Ханна (обращается к небу и самой себе). О Боже! Но теперь мы можем наконец остановиться? Совсем? Помогите нам! Здесь так тихо теперь... (Хочет укутать бабушку шалью.)

В этот момент голова его падает. Едва дыша, Ханна протягивает руку к его губам, чтобы ощутить, дышит ли он. Но бабушка уже не дышит. В ужасе Ханна оглядывается, хочет позвать на помощь. Вокруг – никого.

Склонившись, она прижимается щекой к голове бабушки.

Занавес медленно опускается.